А. № 7.

Изданіе „Народное право".

А. А. Кауфманъ.

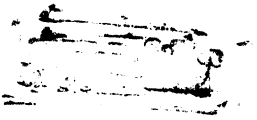
Земля и культура.

Къ вопросу о земельной реформѣ.

[illegible]

Цѣна 30 коп.

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Совко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера
1906.

I.

Въ настоящее время уже не приходится распространяться о безотрадномъ положеніи нашего крестьянства — это признаютъ всѣ, начиная отъ самыхъ искреннихъ его друзей и кончая тѣми, кто во всемъ готовъ винить самого крестьянина, его лѣнь и пьянство, и даже тѣми, кто думаетъ, что, въ сущности, крестьянину недостаетъ только одного: крѣпостного права и палки. Достаточно напомнить о томъ, какъ питается нашъ крестьянинъ. У насъ, на нашей необъятной родинѣ, съ ея тучнымъ, какъ слѣдуетъ даже еще не початымъ черноземомъ, онъ питается хуже, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ. Вотъ цифры: въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ на душу земледѣльческаго населенія приходится хлѣба по 66 пудовъ, въ государствахъ средней Европы — кругомъ около 25 пудовъ (а еще не такъ давно мы думали, что нѣмецъ пропадетъ безъ нашего хлѣба!), у насъ, въ Россіи по однимъ вычисленіямъ 16, по другимъ 18 пудовъ, — значитъ далеко меньше того количества, которое наука признаетъ достаточнымъ для правильнаго питанія человѣческаго организма. И притомъ вѣдь въ западной Европѣ и въ Америкѣ крестьянинъ питается не однимъ только хлѣбомъ да пустыми щами, какъ у насъ!... „Надѣльныя земли — говоритъ одинъ изслѣдователь (Маресс̀ъ) — въ большинствѣ случаевъ оказываются неспособными прокармливать сидящее на нихъ населеніе даже въ смыслѣ доставленія средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія только насущныхъ физіологическихъ потребностей...; зерна, получаемаго съ надѣльной земли недостаточно для большинства

крестьянъ не только въ обыкновенные по урожаю годы, но и въ годы почти небывалаго въ Россіи урожая"... На первый взглядъ, въ Россіи должны быть и есть большіе излишки хлѣба и другихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ — вѣдь русскою рожью питается нѣмецкій рабочій, а русскимъ сахаромъ откармливаются англійскія свиньи. Но весь хлѣбъ, который выпускается заграницу, идетъ изъ помѣщичьихъ экономій и съ полей небольшой, болѣе зажиточной части крестьянства, — „хлѣбъ же массы крестьянскаго населенія на рынокъ не поступаетъ"; осенью, когда приходитъ время платить подати и отдавать долги, сдѣланные за предыдущую зиму и за лѣто, до новаго урожая, „хлѣбъ продается, но не уходитъ далеко отъ мѣстъ сдачи его крестьянами; сгруппировавшись въ нѣсколькихъ пунктахъ, онъ ждетъ здѣсь того-же крестьянина, который, дѣйствительно, и приходитъ за нимъ весною и лѣтомъ и платитъ за свой же хлѣбъ двойную и тройную цѣну"; это, значитъ, на самомъ дѣлѣ *не продажа* избыточнаго хлѣба, а *закладъ* самаго необходимаго, закладъ на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, за самые ростовщическіе проценты.

Изъ этой недохватки хлѣба, полученнаго крестьянами со своихъ полей, проистекаетъ и все дальнѣйшее: повторяющіяся черезъ каждые нѣсколько лѣтъ голодовки, съ эпидеміями цынги, во время которыхъ крестьянина, чтобы кое-какъ спасти отъ голодной смерти, приходится подкармливать на счетъ мѣстныхъ и общеимперскихъ продовольственныхъ капиталовъ. Деревенская нищета, во многихъ мѣстностяхъ такая, что клопы и тараканы служатъ признакомъ сравнительной зажиточности крестьянской семьи: у самыхъ бѣдныхъ тараканы и клопы уже не живутъ, потому что въ бѣдной избѣ имъ нечѣмъ питаться... Ужасное санитарное состояніе нашей деревни, въ которой свили себѣ прочное гнѣздо всякія повальныя и заразныя болѣзни; это ужасное санитарное состояніе находитъ себѣ яркое выраженіе въ огромномъ процентѣ калѣкъ, слѣпыхъ съ глухонѣмыми, умалишенныхъ — тѣхъ, другихъ и третьихъ въ Россіи больше, чѣмъ въ какомъ-бы то ни было другомъ европейскомъ государствѣ. Въ концѣ концовъ — явное физическое вырожденіе населенія и огромная, опять-таки бо́льшая, чѣмъ гдѣ бы то ни было, смертность. Какъ быстро идетъ физическое вырожденіе — хорошо видно изъ данныхъ о призывахъ новобранцевъ: въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія было забраковано или полу-

чило отсрочку по слабости организма 11, въ 80-хъ годахъ — 17, въ концѣ 90-хъ годовъ и въ первые годы настоящаго столѣтія уже 22 человѣка на сто, — и притомъ самый пріемъ новобранцевъ въ послѣднее время производится далеко не такъ строго, какъ производился раньше. А смертность!... Въ Россіи умираетъ больше народу, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ, и Россія — единственная страна, гдѣ смертность возрастаетъ. Въ государствахъ средней Европы ежегодно умираетъ, на каждыя сто душъ населенія, немного больше двухъ съ половиной человѣкъ, въ Англіи, Бельгіи, Швеціи — меньше двухъ. У насъ сто лѣтъ тому назадъ тоже умирало 2, 2½, позже 3 человѣка на сто, въ послѣднее время умираетъ уже три съ половиной; это значитъ, что во всѣхъ другихъ странахъ, съ теченіемъ времени, народу становилось лучше жить, и благодаря этому люди теперь меньше болѣютъ и меньше умираютъ; а у насъ народъ нищаетъ, усиливаются болѣзни, а съ ними и смертность. И дѣло здѣсь именно въ *мужицкой* нуждѣ: въ другихъ государствахъ горожане умираютъ больше, чѣмъ сельчане — и это понятно, потому что и жизнь, и работа въ деревнѣ, на свѣжемъ воздухѣ, здоровѣе, чѣмъ жизнь въ городѣ и работа на душной фабрикѣ. А у насъ наоборотъ — крестьянское населеніе умираетъ больше, чѣмъ городское; въ 80-хъ годахъ въ городахъ умирало 30 человѣкъ, въ деревняхъ — 35 человѣкъ изъ тысячи, а въ голодные годы — и до сорока пяти. И опять-таки это понятно: какъ ни плохо живется у насъ городскому рабочему — все-таки онъ живетъ гораздо лучше, чѣмъ крестьянинъ; а при плохомъ житьѣ отъ здороваго деревенскаго воздуха мало пользы...

Отчего же это все, спрашивается, происходитъ? Причинъ печальнаго положенія нашей деревни и нашего трудового крестьянства очень много, и чтобы подробно разобрать ихъ всѣ, пришлось бы написать не маленькую книжку, а большую книгу. Я ужъ совсѣмъ не буду касаться такихъ вещей, какъ вліяніе общиннаго землевладѣнія, въ которомъ многіе видятъ корень всѣхъ золъ, — не буду касаться потому, что, по моему убѣжденію, какъ разъ этотъ вопросъ не можетъ имѣть существеннаго значенія: говорятъ, что при общинномъ владѣніи крестьянинъ не можетъ улучшать свое хозяйство и какъ слѣдуетъ обрабатывать землю — отсюда, будто бы, плохіе урожаи, отсюда и голодовки; и такое мнѣніе очень распространено не только въ

образованномъ обществѣ — такъ думаютъ и говорятъ и многіе изъ крестьянъ, — въ особенности тѣ, кто не хочетъ при передѣлѣ отдать лишнюю противъ душевого разсчета землю. Но все, что говорятъ противъ общиннаго землевладѣнія — совершенно не доказано. Вѣдь и тамъ, гдѣ передѣляютъ землю, хозяйство ведутъ теперь не такъ, какъ вели сто или пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. „Мудрено,— говоритъ проф. А. И. Чупровъ, — доказывать недоступность усовершенствованной техники для крестьянъ-общинниковъ послѣ того, какъ въ послѣдніе 10—15 лѣтъ тысячи крестьянскихъ общинъ въ разныхъ частяхъ Россіи осуществили самый трудный шагъ на пути къ раціональному земледѣлію — перешли отъ трехполья къ многополью съ посѣвомъ травъ“. А если въ другихъ мѣстностяхъ крестьянинъ не улучшаетъ своего хозяйства, то это не оттого, что ему мѣшаетъ община со своими передѣлами, а оттого, что онъ бѣденъ, что онъ теменъ, и еще отъ нѣкоторыхъ другихъ причинъ, о которыхъ мнѣ придется говорить дальше. И отъ этихъ причинъ крестьянское хозяйство не улучшается и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне уже очень давно, съ самой X ревизіи или съ выхода на волю, не передѣляли землю, и въ такихъ (напримѣръ, въ Малороссіи), гдѣ вовсе нѣтъ общиннаго землевладѣнія. Если отъ чего страдаетъ или еще недавно страдалъ крестьянинъ — такъ это не отъ общины, а отъ такихъ вещей, какъ круговая порука, какъ длинноземелье и черезполосность надѣльныхъ земель, — но это все такія вещи, въ которыхъ община нисколько не повинна...

Изъ другихъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ плохое положеніе нашего крестьянина, я только вкратцѣ упомяну о такъ называемомъ общемъ сельскохозяйственномъ кризисѣ, отъ котораго страдаютъ сельскіе хозяева, крупные и мелкіе, и у насъ, и во всей Европѣ. Суть этого кризиса въ томъ, что въ послѣднія десятилѣтія сильно расширились распашки въ новыхъ странахъ — въ Америкѣ, Австраліи, Индіи и т. п., — странахъ со свѣжею и очень плодородною землею; эти страны стали посылать въ Европу свой, очень дешевый хлѣбъ, и отъ этого упали цѣны въ Европѣ и у насъ въ Россіи. Главный убытокъ тутъ, конечно, частнымъ землевладѣльцамъ, — но не мало пострадали отъ этого и наши крестьяне: вѣдь и тотъ крестьянинъ, которому своего хлѣба не хватаетъ, осенью все-таки продаетъ хлѣбъ — на подати и на всякую неотложную нужду; разъ цѣны на хлѣбъ упали — значитъ, ему съ осени приходится продать

больше хлѣба, чтобы выручить нужныя деньги — а весной больше хлѣба надо купить обратно по дорогой цѣнѣ...

Скажу также вкратцѣ о томъ, что называютъ „индустріализаціею и капитализаціею“ обрабатывающей промышленности. Въ былое время крестьянинъ не только питался, но и всѣ другія важнѣйшія потребности удовлетворялъ продуктами собственнаго хозяйства — достаточно напомнить объ одеждѣ, которая изготовлялась изъ своего льна, конопли и шерсти; во многихъ мѣстностяхъ, кромѣ того, существовали разнообразные кустарные промыслы — гдѣ ткачество, гдѣ выдѣлка желѣзныхъ издѣлій и т. п., и они давали крестьянамъ хорошій заработокъ, въ дополненіе къ земледѣлію. Теперь все стало выдѣлываться на фабрикахъ, а крестьянская домашняя и кустарная промышленность либо прекратилась, либо кустарямъ, чтобы сбыть свои издѣлія, приходится отдавать ихъ по гораздо болѣе дешевымъ цѣнамъ. Отсюда и получается такое положеніе: крестьянинъ, который прежде имѣлъ хорошій заработокъ отъ кустарнаго промысла, теперь ничего не зарабатываетъ, или зарабатываетъ гораздо меньше; крестьянинъ, которому его домотканая одежда прежде ничего не стоила, теперь одѣвается въ фабричные ситцы и сукна, за которые приходится платить; доходъ крестьянина сталъ гораздо меньше, а расходъ — гораздо больше прежняго. Это случилось, правда, не въ одной только Россіи, а и во всѣхъ другихъ странахъ, и вездѣ крестьянамъ отъ этого стало гораздо тяжелѣе жить. Но одно дѣло въ зажиточной Америкѣ, другое дѣло у насъ, гдѣ и безъ того всякій ломоть хлѣба на счету, гдѣ крестьянину, чтобы купить одежду, приходится продать лишній возъ хлѣба, котораго ему и безъ того не хватаетъ на продовольствіе: „приходилось отчуждать все болѣе и болѣе сельскохозяйственныхъ продуктовъ для удовлетворенія тѣхъ потребностей, которыя до того удовлетворялись собственнымъ трудомъ, такъ что объ увеличеніи производительности своего земледѣльческаго труда надо было забыть и думать“... (Н—онъ).

Не приходится подробно распространяться и о вліяніи на крестьянское хозяйство нашей податной и вообще финансовой системы. Всѣ знаютъ, что это была, въ полномъ смыслѣ слова, финансовая система на изнанку; всѣ податныя тягости ложились прежде всего на нашу многострадальную деревню, — крестьянской землѣ приходилось выносить во много разъ больше

повинностей и платежей, нежели помѣщичьей, крестьянину съ малымъ надѣломъ приходилось платить больше, чѣмъ крестьянину съ большимъ надѣломъ; эта податная система выдавливала изъ деревни каждую лишнюю копейку, заставляла продавать каждый лишній и не лишній пудъ хлѣба; у крестьянина, поэтому, ничего не оставалось не только чтобы улучшать свое хозяйство, но даже чтобы имѣть какой-нибудь запасъ на черный день, и потому каждый неурожай неизбѣжно приводилъ къ голодовкѣ. И государство, вытягивавшее всѣ соки изъ деревни, жившее только тѣмъ, что̀ ему удавалось прямо или косвенно собрать съ деревни, — это государство находило средства на все, что угодно: и на войско, и на флотъ, и на желѣзныя дороги, но никогда не находило денегъ, когда онѣ были нужны для крестьянъ; денегъ не было ни на народную школу, ни на переселеніе, ни на расширеніе дѣятельности крестьянскаго банка, ни на улучшеніе крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства. *Брать* съ крестьянина — это было дѣло государства; *заботиться* о крестьянинѣ — это было не его дѣло...

Наконецъ, я не буду говорить здѣсь и объ общихъ условіяхъ жизни нашего крестьянина и нашей деревни — это, опять-таки, завело бы насъ уже слишкомъ далеко: упомяну только о плохомъ положеніи нашей народной школы, благодаря которому свѣтъ знанія лишь съ величайшимъ трудомъ могъ проникнуть или вѣрнѣе — совсѣмъ не проникалъ въ крестьянскую среду; о томъ гнетѣ, который тяготѣлъ надъ личностью крестьянина со стороны всякаго рода начальства, — гнета, особенно усилившагося съ введеніемъ земскихъ начальниковъ, которыхъ главною задачей было — „подтянуть мужика“; этотъ гнетъ тяготѣлъ не только надъ личностью крестьянина, но и надъ его общественною самодѣятельностью, — потому что и крестьянскіе сходы, и крестьянскія власти — все это только по имени было крестьянское, а на самомъ дѣлѣ всѣмъ распоряжался, по своему произволу, земскій начальникъ. Понятно, что темный, связанный по рукамъ и по ногамъ всяческою опекою крестьянинъ не могъ ни сознать какъ слѣдуетъ необходимости улучшенія своего хозяйства, ни разобраться въ тѣхъ способахъ улучшенія, которые давно изобрѣла наука, и такимъ образомъ эта темнота, этотъ гнетъ надъ личностью крестьянина были одною изъ главныхъ причинъ того, что крестьянское хозяйство не могло развиваться, какъ требовали измѣнявшіяся условія и главное — непрерывный ростъ населенія.

II.

О причинахъ крестьянской нужды — я уже сказалъ — пришлось бы написать цѣлую большую книгу, — да такихъ книгъ ужъ и написано не мало. Я перейду поэтому прямо къ главному вопросу — къ вопросу о малоземельѣ. Я говорю, что это — главный вопросъ. И въ самомъ дѣлѣ. кто только прислушивался или вчитывался въ то, о чемъ говорятъ и чего требуютъ крестьяне, тотъ знаетъ, что они говорятъ, прежде всего, о землѣ и требуютъ прежде всего земли. Требуютъ земли безземельные, отцы которыхъ либо были дворовыми при крѣпостномъ правѣ, либо при выходѣ на волю почему-нибудь отказались отъ земли; требуютъ ея дарственники, которые въ 1861 году дали себя заманить на четвертной, иначе „нищенскій надѣлъ“; требуютъ земли всѣ тѣ, отъ кого при выходѣ на волю отошла къ помѣщикамъ добрая часть земли, да отошла еще отъ многихъ такъ, что крестьяне оказались какъ въ западнѣ или въ мышеловкѣ. Но такъ же громко требуютъ земли и тѣ изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, которымъ поступила въ надѣлъ вся, до послѣдней сажени, земля, какую они обрабатывали при крѣпостномъ правѣ; и бывшіе государственные крестьяне, получившіе въ однѣхъ губерніяхъ по 8, въ другихъ по 15 десятинъ на ревизскую душу, а теперь имѣющіе въ малоземельныхъ мѣстностяхъ по 4—5, въ многоземельныхъ — по 7—8 десятинъ на наличную душу, — и даже переселенцы, которымъ всего какихъ-нибудь 5—6 лѣтъ тому назадъ отведена земля: въ Заволжьѣ по 5, 6, 7, въ Сибири — по 15 десятинъ на наличную душу мужескаго пола. Требуютъ земли и „на прибылыя души“, и по случаю плохого качества и выпаханности земли, и изъ-за недостатка сѣнокосовъ или скотскаго выпуска; требуютъ земли „малолѣтки“ и „заревизные“, которые не могутъ добиться передѣла, и переселенцы-новоселы, изъ-подъ носа у которыхъ староселы выхватили всѣ лучшія угодья. И что крестьянину, въ самомъ дѣлѣ, тѣсно, — это показываетъ и повсемѣстное распространеніе аренды, и страшно быстрый ростъ и продажныхъ, и арендныхъ цѣнъ на землю. *Сколько* крестьяне арендуютъ земли у казны, у удѣла, а главное — у помѣщиковъ, это точно неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ — десятки милліоновъ десятинъ; крестьянинъ арендуетъ вездѣ, гдѣ только можно, и все, что только сдается въ аренду; и если гдѣ-нибудь крестьяне не арендуютъ земли, то не по

тому, что они въ этомъ не нуждаются или этого не хотятъ, а либо потому, что въ округѣ земля не сдается, либо потому, что имъ не на что арендовать. А между тѣмъ, не даромъ извѣстный нѣмецкій писатель по сельскому хозяйству фонъ-деръ-Гольцъ писалъ, что „преобладаніе арендныхъ хозяйствъ — знакъ и слѣдствіе ненормальныхъ соціальныхъ и хозяйственныхъ порядковъ; обычно оно является слѣдствіемъ ненормальнаго распредѣленія землевладѣнія, въ частности — слишкомъ большого развитія латифундій"—чрезмѣрной концентраціи крупнаго землевладѣнія. О тѣснотѣ, о нуждѣ въ землѣ свидѣтельствуетъ — я уже сказалъ — и страшно быстрое вздорожаніе цѣнъ на землю, какъ при покупкѣ, такъ и при арендѣ. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1891 году, крестьянскій банкъ покупалъ землю, кругомъ, по 39 рублей; въ 1896 г. — уже по 52 рубля, въ 1902 году—вдвое дороже, по 108 руб. за десятину. Помѣщичьи земли въ Полтавской губерніи арендовались крестьянами въ 1890 году, кругомъ, по 8 р. 60 к., въ 1900 году, чрезъ десять лѣтъ,— по 12 р. 60 к. „Регуляторомъ земельныхъ цѣнъ — говоритъ А. В. Пѣшехоновъ — сдѣлалась крестьянская земельная нужда, и онѣ стали расти внѣ всякой связи съ доходностью самихъ земель". Другими словами: цѣны на землю поднимаются не потому, что обработка земли даетъ больше дохода, а только потому, что растетъ крестьянская земельная нужда, и крестьянинъ готовъ покупать и арендовать хоть себѣ въ убытокъ, только-бы достать земли...

Но если крестьянину нельзя прожить на своемъ надѣлѣ; если онъ съ жадностью бросается на всякую землю, какую только можно купить или заарендовать; если онъ постепенно нищаетъ, голодаетъ, уходитъ на заработки или бѣжитъ, безъ оглядки, на „новыя мѣста"; если онъ, въ концѣ концовъ, бросаетъ деревню и уходитъ въ городъ — то вѣдь все это можетъ происходить отъ разныхъ причинъ. Можетъ-быть, у крестьянина, дѣйствительно, *мало земли*,— а можетъ быть земли не мало, но *даетъ земля очень мало;* можетъ, впрочемъ, быть и то и другое — и мало земли, и производительность слишкомъ низка. И потому вопросъ о *малоземельѣ,* о недостаткѣ земли, самымъ тѣснымъ образомъ переплетается съ сельскохозяйственнымъ вопросомъ — о *производительности земли.* А что у насъ на этотъ счетъ обстоитъ очень плохо — объ этомъ не приходится и говорить Достаточно упомянуть о томъ, что 37% — больше

трети общей площади крестьянской пахотной земли, всего не менѣе 25 милліоновъ десятинъ, ежегодно пропадаетъ подъ паромъ и залежью; между тѣмъ въ Германіи паръ занимаетъ не больше 6%, въ Бельгіи — даже только 3% пахотныхъ земель. Посѣвная десятина даетъ у насъ, кругомъ, менѣе 40 пудовъ — тогда какъ въ Бельгіи, Англіи, Норвегіи средняя урожайность 110—120 пудовъ, въ Канадѣ, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, въ Венгріи — 80, во Франціи и Германіи — 70 пудовъ; средній сборъ сѣна въ Англіи — 235, въ Германіи — 205 пудовъ, въ Россіи — всего только 77 пуд. съ десятины. И невѣрно было бы думать, что такая огромная разница является слѣдствіемъ какихъ-нибудь особенно неблагопріятныхъ климатическихъ, а тѣмъ болѣе почвенныхъ условій: „урожайность земли находится въ прямой зависимости не столько отъ качества земли, сколько отъ тщательности, интенсивности ея обработки“ (Масловъ). И въ самомъ дѣлѣ: на тощихъ лѣсныхъ почвахъ сѣвера Пермской или Вологодской губерній урожайность, благодаря усиленному унаваживанію полей, поднимается, кругомъ, до 80 пудовъ съ десятины, мѣстами и выше, тогда какъ на тучномъ черноземѣ нашихъ среднихъ и южныхъ губерній она не превышаетъ 40 пудовъ, а въ такой богатой землею мѣстности, какъ Новоузенскій уѣздъ, Самарской губерніи, падаетъ даже до 23 пудовъ съ десятины. И другое, несомнѣнное доказательство того, что дѣло здѣсь не въ климатѣ и почвѣ, а въ плохомъ хозяйствѣ,— это то, что въ сколько-нибудь хорошемъ помѣщичьемъ хозяйствѣ урожайность вдвое, а въ особенно выдающихся хозяйствахъ — и втрое выше, чѣмъ на сосѣднихъ крестьянскихъ земляхъ, или на такихъ же помѣщичьихъ, но только арендуемыхъ крестьянами...

Отсюда ясно, что есть полное основаніе поставить вопросъ,— въ чемъ же собственно корень нашего „малоземелья“: въ томъ ли, что у крестьянина, дѣйствительно, мало земли,— или въ томъ, что эта земля даетъ ему гораздо меньше, чѣмъ могла бы и должна была бы давать? въ маломъ размѣрѣ земельныхъ надѣловъ — или въ плохомъ хозяйствѣ и низкой производительности надѣльныхъ земель? И это — вопросъ чрезвычайной важности, потому что отъ разрѣшенія его зависитъ и отвѣтъ на другой, практическій вопросъ: можно ли помочь бѣдѣ однимъ расширеніемъ крестьянскаго землевладѣнія, или первостепенное значеніе принадлежитъ мѣрамъ другого рода, направлен-

нымъ къ подъему крестьянскаго хозяйства и къ повышенію производительности крестьянскихъ земель?...

На первый взглядъ, тутъ нѣтъ никакого вопроса. Конечно,— скажетъ всякій или почти всякій — благосостояніе или нищета крестьянина зависитъ отъ того, много у него, или мало земли. Вѣдь не даромъ населеніе малонадѣльныхъ крестьянскихъ обществъ, въ общихъ итогахъ по всей Россіи, возросло за двадцатилѣтіе 1858—1877 гг. всего на 16—19%, населеніе хорошо обезпеченныхъ землею обществъ — на 27—30%: у малонадѣльныхъ, значитъ, всего на одну шестую, у многонадѣльныхъ — почти на цѣлую треть. И то же самое, приблизительно, наблюдается въ отдѣльныхъ районахъ или губерніяхъ; напримѣръ, въ Воронежской губерніи, по даннымъ земской статистики, годовая смертность въ хорошо надѣленныхъ землею обществахъ не превышаетъ 26—28 человѣкъ на тысячу; въ средненадѣльныхъ она поднимается до 32, въ малонадѣльныхъ до 35 человѣкъ на тысячу... Но въ томъ-то и дѣло, что такая разница окажется только въ одномъ случаѣ, если сравнивать между собой разнонадѣльныхъ крестьянъ въ одномъ районѣ — въ уѣздѣ, губерніи, группѣ губерній, гдѣ ведется приблизительно однородное хозяйство. Но *этого* вѣдь и доказывать не надо: само собою разумѣется, что при одинаковомъ хозяйствѣ двѣ десятины больше, чѣмъ одна, а семь десятинъ больше, чѣмъ пять; что, значитъ, крестьянину на семи десятинахъ будетъ житься лучше, чѣмъ на пяти, а крестьянину на одной десятинѣ будетъ тяжелѣе, чѣмъ на двухъ. Совсѣмъ другое, если сравнивать между собою положеніе крестьянъ *разныхъ районовъ*, съ различными порядками крестьянскаго хозяйства. Гдѣ сильнѣе всего свирѣпствуютъ голодовки? развѣ въ малоземельной Малороссіи или въ еще болѣе бѣдномъ землею юго-западномъ краѣ? нисколько — чаще всего и сильнѣе всего голодаютъ въ Заволжьѣ, гдѣ у крестьянъ, кругомъ, втрое и вчетверо больше земли, чѣмъ въ юго-западномъ краѣ. Гдѣ за крестьянами накапливаются самыя большія недоимки? опять-таки, въ томъ же Приволжьѣ и Заволжьѣ, и напротивъ — исправнѣе всего поступали подати въ самыхъ малоземельныхъ мѣстностяхъ черноземной полосы; а во всей нечерноземной полосѣ, съ ея плохими землями, недоимочность несравненно меньше, чѣмъ на нашемъ тучномъ черноземѣ. Гдѣ населеніе даетъ самый большой приростъ? въ южныхъ степныхъ губерніяхъ, гдѣ былой просторъ уже давно

отошелъ въ область преданій, и въ малоземельныхъ литовскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ; а въ богатомъ землею Заволжьѣ приростъ населенія меньше, чѣмъ въ крайне малоземельныхъ юго-западныхъ губерніяхъ... Вообще, если сравнивать между собою положеніе крестьянъ въ *различныхъ* мѣстностяхъ, то отнюдь нельзя будетъ сказать, чтобы крестьянамъ въ многоземельныхъ мѣстностяхъ жилось лучше, чѣмъ въ малоземельныхъ — скорѣе выходитъ, какъ будто бы, наоборотъ.... И это совершенно понятно. Вѣдь десятина земли въ многоземельной Сибири или въ томъ же Заволжьѣ даетъ, кругомъ, гораздо меньше, чѣмъ такая же десятина въ трехпольномъ районѣ, а десятина въ трехпольной полосѣ даетъ, опять-таки, далеко меньше, чѣмъ въ Ярославской губерніи, съ ея огородничествомъ, или въ юго-западныхъ губерніяхъ съ ихъ свекловичными плантаціями. Крестьянская семья съ 10 десятинами земли будетъ считать себя отлично обезпеченною гдѣ-нибудь въ Полтавской, а тѣмъ болѣе въ Подольской губерніи; но тѣ же 10 десятинъ — крайнее малоземелье въ Заволжьѣ, въ Самарской или Оренбургской губерніи,— на десяти десятинахъ крестьянину здѣсь совсѣмъ нельзя вести хозяйства. Въ Сибири будетъ „тѣсно“ уже при 20—25 десятинахъ на дворъ; между тѣмъ 20—25 десятинъ — это даже въ заволжскихъ губерніяхъ порядочный надѣлъ, а въ Малороссіи — чуть не маленькое дворянское владѣніе...

А если попробовать сравнить земельное обезпеченіе нашихъ крестьянъ съ землевладѣніемъ сельскаго населенія въ западной Европѣ, то окажется, что у насъ и вообще трудно говорить о *настоящемъ* малоземельѣ, о недостаткѣ земли. Въ среднемъ выводѣ для всей Европейской Россіи крестьяне получили на ревизскую душу, кругомъ, по 4,8 десятинъ; теперь, на наличную душу, они имѣютъ, кругомъ-же, примѣрно по $2^1/_3$ десятины, т. е. около 7 десятинъ на дворъ. Въ юго-западныхъ губерніяхъ, въ Малороссіи и въ сѣверо-западныхъ, литовскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ приходится, кругомъ, по 4—5 десятинъ на дворъ; въ сѣверныхъ, восточныхъ и юго-восточныхъ — по 12—13 десятинъ; во всѣхъ остальныхъ — центрально-черноземныхъ, приволжскихъ и промышленныхъ губерніяхъ — по 6—7 десятинъ на дворъ. А если мы заглянемъ въ статистику крестьянскаго землевладѣнія въ западно-европейскихъ государствахъ, то увидимъ, что въ Германіи и во Франціи около трехъ четвертей (71,4 и 76,5%), а въ Бельгіи даже девять

десятыхъ (90,1%) всѣхъ крестьянскихъ дворовъ имѣютъ менѣе пяти гектаровъ, т.-е. менѣе $4^1/_2$ десятинъ земли. Въ Германіи крестьянинъ, имѣющій отъ двухъ до пяти гектаровъ (отъ 1,8 до 4,5 дес.), считается уже „клейнбауеромъ“ — „мелкимъ хозяиномъ“, и такой мелкій хозяинъ не только не ходитъ по батракамъ, но напротивъ — иногда и самъ принанимаетъ людей, и во всякомъ случаѣ живетъ на доходъ со своего земельнаго участка. А нѣмецкій крестьянинъ съ 6, 8, 10 десятинами — это уже „миттельбауэръ“, „хозяинъ средней руки“, и непремѣнно, если только у него не очень большая семья, держитъ наемныхъ батраковъ...

Но вѣдь какъ же можно сравнивать десятину у нѣмецкаго или бельгійскаго крестьянина съ десятиной у насъ въ Заволжьѣ, а тѣмъ болѣе въ Сибири?!... вѣдь нѣмецкому крестьянину его десятина даетъ, можетъ-быть, втрое больше, чѣмъ нашему полтавцу, въ десять разъ больше, чѣмъ самарцу, и въ двадцать разъ больше, чѣмъ сибиряку. Значитъ, какое же тутъ можетъ быть сравненіе?!... И, въ самомъ дѣлѣ сравненія быть *не* можетъ: бельгійскій крестьянинъ съ пятью десятинами, конечно, не будетъ жаловаться на малоземелье,— а самарецъ съ 15 десятинами и *будетъ* жаловаться, и *имѣетъ право* жаловаться. Но не потому, что у самарца *мало земли* — земли-то у него, очевидно, не мало; а потому, что земля, при существующемъ хозяйствѣ, ему слишкомъ мало даетъ и слишкомъ малаго стоитъ...

III.

Такъ значитъ, у насъ нѣтъ никакого малоземелья? значитъ, нечего и разговаривать о дополнительномъ надѣлѣ или вообще о расширеніи землевладѣнія?... Нисколько. Вѣдь прежде всего 4—5 дес. на дворъ въ Малороссіи или въ западномъ краѣ, 12—13 дес. въ Заволжьѣ — это только *среднія* цифры; въ каждой мѣстности есть и многоземельные, имѣющіе гораздо больше, и малоземельные, имѣющіе гораздо меньше этихъ среднихъ цифръ. Достаточно вспомнить о дарственникахъ, съ ихъ „нищенскими“, четвертными надѣлами — а вѣдь на дарственный надѣлъ было выпущено, въ итогѣ по 37 губерніямъ, устроеннымъ по „общему положенію“ 1861 года, 640.000 ревизскихъ душъ, или почти одна десятая часть (9%) всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ этихъ губерній; а если взять отдѣль-

ныя губерніи, то увидимъ, что на дарственный надѣлъ вышло въ губерніяхъ: Екатеринославской, Таврической, Вятской, Пермской и Саратовской — около одной трети, въ Самарской и Уфимской — болѣе двухъ пятыхъ (41 и 45%) а въ Оренбургской — даже *три четверти* (74,9%) всѣхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ; въ Зеньковскомъ уѣздѣ Полтавской губ. дарственники составляютъ почти двѣ трети (60%) *всего* крестьянскаго населенія... А если взять данныя о распредѣленіи всѣхъ вообще крестьянъ по размѣрамъ земельнаго надѣла, то окажется, что менѣе 2 десятинъ на ревизскую душу получили, въ свое время, 1.887.000 ревизскихъ душъ или почти одна пятая (18,8%), изъ нихъ 555.000 или 5,5% всего крестьянскаго населенія— менѣе одной десятины. Что у этихъ нѣсколькихъ милліоновъ *мало* земли — объ этомъ не приходится и говорить. Конечно, и крестьянинъ, получившій десятину или полторы на ревизскую душу и теперь имѣющій, кругомъ, 2—3 дес. на семью, тоже могъ бы прожить на своемъ надѣлѣ, если бы велъ хозяйство такъ, какъ ведетъ его нѣмецкій или бельгійскій крестьянинъ. Но объ этомъ — всякому ясно — не приходится и говорить: „можетъ ли огородная культура злаковъ быть выгодной, когда рядомъ ведется переложное хозяйство?... При данныхъ общественныхъ и техническихъ условіяхъ долженъ быть одинъ раціональный уровень интенсификаціи, равно обязательный для всѣхъ хозяевъ данной территоріи“, и нѣтъ никакой возможности „ожидать, что одна группа хозяйствъ можетъ довести свое земледѣліе до высшей степени интенсивности, тогда какъ другая, менѣе стѣсненная размѣрами земельной площади, можетъ вовсе не спѣшить съ интенсификаціей“ (Пѣшехоновъ)... Иначе сказать: дарственники или вообще крайне малоземельные крестьяне не могутъ такъ устроить свое хозяйство, чтобы ихъ ничтожные клочки земли давали имъ возможность существовать, разъ кругомъ все населеніе имѣетъ вчетверо, а гдѣ есть государственные крестьяне — то и вдесятеро больше земли, и разъ все хозяйство окрестнаго населенія приспособилось именно къ такому, болѣе значительному размѣру земельнаго надѣла. Такимъ малоземельнымъ, значитъ, либо надо дать дополнительный надѣлъ, чтобы приблизительно сравнять ихъ съ остальнымъ мѣстнымъ крестьянствомъ, либо имъ придется совсѣмъ бросить землю и искать себѣ другого источника средствъ существованія. Многіе, и даже изъ искреннихъ друзей народа (соціалъ-демократы!), думаютъ,

что и въ такомъ исходѣ не было бы худа: пусть лучше такіе малоземельные совсѣмъ бросятъ землю и пойдутъ въ городъ или на фабрику, чѣмъ прозябать, какъ теперь, на жалкихъ клочкахъ своихъ „нищенскихъ“ надѣловъ... Но вѣдь для того, чтобы это было такъ, нужно было бы, чтобы наши города, заводы, фабрики, были способны дать заработокъ всему тому деревенскому населенію, которое будетъ окончательно отрываться отъ земли. При современномъ состояніи нашей промышленности на это разсчитывать нельзя; малоземельному деревенскому населенію, *некуда уйти* изъ деревни, и потому единственнымъ выходомъ изъ его безотраднаго положенія можетъ быть *только* дополнительное надѣленіе...

Приблизительно тоже самое слѣдуетъ сказать не только о дарственникахъ, но и о всѣхъ вообще тѣхъ крестьянахъ, которыхъ земельный надѣлъ замѣтно меньше средняго въ извѣстной мѣстности: значитъ, для Заволжья, гдѣ на крестьянскій дворъ приходится кругомъ 12—13 десятинъ, придется признать малоземельными всѣхъ, у кого имѣется по 6, 8, 10 десятинъ; для какой-нибудь Московской или Калужской губерніи, со среднимъ размѣромъ земельнаго надѣла, приблизительно, въ 6—7 десятинъ, малоземельными будутъ всѣ имѣющіе на дворъ по 3—4 десятины, и т. д. Всѣ такіе малоземельные ведутъ свое хозяйство приблизительно такъ же и получаютъ съ десятины, кругомъ, приблизительно столько же, какъ и тѣ, кто сидитъ на болѣе значительномъ надѣлѣ, — а при такомъ хозяйствѣ и такой доходности ихъ малые надѣлы не могутъ дать имъ необходимыхъ средствъ. Мало того: несомнѣнное право на увеличеніе земельнаго надѣла должно быть признано за всѣми тѣми крестьянами изъ бывшихъ помѣщичьихъ, чьи надѣлы были, при выходѣ на волю, урѣзаны противъ того количества земли, которымъ они пользовались при крѣпостномъ правѣ. Извѣстно, что благодаря вліянію помѣстнаго дворянства нормы надѣленія крестьянъ были значительно понижены противъ того, что предполагалось въ началѣ предоставить имъ въ надѣлъ, и чѣмъ они пользовались при крѣпостномъ правѣ; такъ, въ Воронежской губерніи бывшіе помѣщичьи крестьяне получили вмѣсто 722000 дес. 570000 дес., въ Псковской, вмѣсто 917000, 805000 дес., въ Новгородской въ надѣлы отведено было, вмѣсто 1600000 дес., всего 1045000 дес. — въ Новгородской губерніи крестьянскіе надѣлы были, значитъ, урѣзаны на цѣлую треть. Не подлежитъ сомнѣ-

нію, что вездѣ, гдѣ послѣдовала такая урѣзка крестьянскихъ надѣловъ, она причинила, въ свое время, рѣзкій ущербъ крестьянамъ, вызвала ломку въ крестьянскомъ хозяйствѣ, которое, конечно, не могло сразу приспособиться къ такому сокращенію площади обрабатываемой земли, и слѣды этой ломки, можетъ быть, не зажили и до настоящаго времени. Поэтому вездѣ, гдѣ послѣдовали такія урѣзки, слѣдуетъ прирѣзать крестьянамъ земли, приблизительно, столько, сколько имъ недодано до того, чѣмъ они пользовались при крѣпостномъ правѣ; вездѣ, гдѣ только окажется возможнымъ, слѣдуетъ, просто, возвратить крестьянамъ отрѣзныя земли, т.-е. именно тѣ, которыя когда-то были у нихъ отобраны, потому что именно эти обрѣзки, чаще всего черезполосные съ крестьянскими надѣлами или вклинивающіеся въ нихъ, причиняютъ крестьянамъ наибольшія стѣсненія и убытки.

Говоря о дарственникахъ и вообще о тѣхъ крестьянахъ, землевладѣніе которыхъ ниже средней, въ данной мѣстности, обезпеченности крестьянъ землею, я отмѣчалъ невозможность „ожидать, что одна группа крестьянъ можетъ довести свое земледѣліе до высшей степени интенсивности, тогда какъ другая, менѣе стѣсненная размѣрами земельной площади, можетъ вовсе не спѣшить съ интенсификаціей“; я приводилъ то формулированное г. Пѣшехоновымъ положеніе, что „при данныхъ общественныхъ и техническихъ условіяхъ долженъ быть одинъ раціональный уровень интенсификаціи, равно обязательный для всѣхъ хозяевъ данной территоріи“. Но не слѣдуетъ ли изъ этого, что надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ должны вездѣ быть доведены до тѣхъ же размѣровъ, какъ надѣлялись бывшіе государственные крестьяне? Послѣдніе получили вѣдь въ многоземельныхъ мѣстностяхъ по 15, въ малоземельныхъ по 8 дес. на ревизскую душу — среднимъ числомъ втрое больше, чѣмъ бывшіе помѣщичьи крестьяне. Если у тѣхъ и другихъ хозяйство стоитъ „на одномъ раціональномъ уровнѣ интенсификаціи“, иначе сказать, если земля у тѣхъ и другихъ обрабатывается одинаковыми способами, — то значитъ помѣщичьи крестьяне получаютъ со своихъ надѣловъ втрое меньше дохода, чѣмъ бывшіе государственные; на такой доходъ имъ нѣтъ возможности существовать, и, слѣдовательно, чтобы дать имъ эту возможность, надо сравнять ихъ надѣлы съ надѣлами бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Однако, такой выводъ

былъ бы вѣренъ лишь въ томъ случаѣ, если бы въ извѣстной мѣстности всѣ крестьяне, дѣйствительно, вели совершенно одинаковое хозяйство, если бы рядомъ, дѣйствительно, не могло существовать различное хозяйство. Но это послѣднее положеніе справедливо только пока говорить о возможности „огородной культуры злаковъ“ тамъ, гдѣ большинство населенія ведетъ переложное хозяйство; оно будетъ совершенно невѣрнымъ, разъ говорить о такихъ способахъ хозяйства, которые стоятъ близко другъ къ другу, занимая какъ бы смежныя ступени въ лѣстницѣ развитія сельскохозяйственной культуры: о переложномъ хозяйствѣ и трехпольѣ, — о трехпольѣ и четырехпольномъ хозяйствѣ съ посѣвами травъ и т. п. Вѣдь по мѣрѣ того, какъ населеніе сгущается, ему становится тѣсно, и приходится заботиться о томъ, чтобы изъ той же площади земли получать большій доходъ — приходится, иначе сказать, переходить къ болѣе интенсивному хозяйству. Такой переходъ — я уже говорилъ — невозможенъ для дарственниковъ, ибо на ихъ клочкахъ земли нельзя вести никакого хозяйства; но онъ не только возможенъ, но даже всегда начинается именно съ тѣхъ, кто сравнительно *менѣе* обезпеченъ землею — многоземельные еще долго могутъ кое-какъ прожить и при старомъ хозяйствѣ, которое ужъ давно не прокармливаетъ малоземельныхъ. И вотъ, еще въ 70-хъ годахъ было замѣчено, что бывшіе помѣщичьи крестьяне въ южныхъ степныхъ губерніяхъ уже перешли къ трехпольному хозяйству, а бывшіе государственные еще продолжали (и посейчасъ продолжаютъ) вести залежное хозяйство (Чаславскій); въ 80-хъ годахъ земскіе статистики отмѣчали, что въ сѣверныхъ уѣздахъ Самарской губерніи бывшіе помѣщичьи крестьяне гораздо лучше обрабатываютъ земли — троятъ пары, сильнѣе боронятъ, чѣмъ бывшіе государственные; что въ сѣверныхъ уѣздахъ Рязанской губерніи, гдѣ у крестьянъ меньше земли и земля хуже, уже укоренилось трехполье съ навознымъ удобреніемъ, тогда какъ въ южныхъ, многоземельныхъ уѣздахъ, продолжало держаться залежное хозяйство, а переходъ къ трехполью только еще начинался. Въ такихъ губерніяхъ, какъ Московская или Тверская, уже очень много селеній въ настоящее время перешло къ плодосмѣнному хозяйству съ посѣвами клевера, тогда какъ другія продолжаютъ еще вести трехпольное хозяйство. А разъ хозяйство у разныхъ группъ населенія не одинаковое — то „десятина“ и „десятина“

могутъ быть вещами совершенно разной цѣнности и значенія, и пять десятинъ при одномъ хозяйствѣ могутъ значить больше, чѣмъ восемь или десять при другомъ. И въ самомъ дѣлѣ: вѣдь извѣстно, что „отъ добра добра не ищутъ“, и что переселеніе является однимъ изъ несомнѣнныхъ признаковъ „утѣсненія“. А между тѣмъ, переселеніе въ многихъ губерніяхъ — назову только Самарскую, Курскую, Рязанскую — шло гораздо сильнѣе изъ обществъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, нежели изъ бывшихъ владѣльческихъ селеній; въ 80-хъ годахъ переселеніе шло гораздо сильнѣе изъ южной, многоземельной, чѣмъ изъ сѣверной, малоземельной части Рязанской губерніи. Значитъ, „утѣсненіе“, малоземелье, во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ ощущается имѣющими *много* земли гораздо сильнѣе, нежели имѣющими *небольшіе* надѣлы; въ частности бывшіе помѣщичьи крестьяне, съ ихъ малыми надѣлами, во многихъ мѣстностяхъ въ гораздо меньшей степени испытываютъ это „утѣсненіе“, чѣмъ обильно надѣленные землею государственные крестьяне. Значитъ, въ дополнительномъ надѣленіи первыхъ до одного уровня съ послѣдними нѣтъ никакой дѣйствительной необходимости...

Однако, можно ли, все-таки, признать достаточно обезпеченными землею хотя бы тѣхъ крестьянъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ, которые, въ свое время, получили полный надѣлъ, даже если отъ нихъ не послѣдовало никакихъ отрѣзокъ? Мало того: можно ли утверждать, что даже и бывшіе государственные крестьяне достаточно надѣлены землею? Вѣдь „многіе крестьяне получили полностью пахатныя и сѣнокосныя земли, находившіяся въ ихъ распоряженіи; нѣкоторые получили даже прибавку къ своему дореформенному надѣлу, — и тѣмъ не менѣе вся русская деревня оказалась и до сихъ поръ закрѣпощенною“ (Шѣшехоновъ)....

И это совершенно вѣрно: крестьяне закрѣпощены — гдѣ сосѣду землевладѣльцу, гдѣ своему же брату-кулаку, или городскому торговцу,— крестьяне бѣдствуютъ, голодаютъ, накопляютъ недоимки и тамъ, гдѣ они получили отъ помѣщиковъ, въ свое время, полный надѣлъ; мало того — та же печальная картина наблюдается и среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ, съ ихъ втрое большими надѣлами; и этого мало — бѣдствуютъ и голодаютъ даже переселенцы, получившіе, всего 5—6 лѣтъ тому назадъ, по 15 десятинъ на наличную душу. Я лично думаю, что дѣло *здѣсь* уже не въ малоземельѣ, а во

всей совокупности условій, въ которыхъ наше крестьянство прожило послѣдніе полвѣка: и въ народной темнотѣ, и въ тяжелыхъ, неравномѣрно-распредѣляющихся налогахъ и во многомъ другомъ. Другіе, и прежде всего сами крестьяне, видятъ корень зла, прежде всего, въ малоземельѣ. Говорятъ, что тягловый надѣлъ крѣпостного крестьянина, даже гдѣ онъ не былъ урѣзанъ, былъ разсчитанъ только на трехдневный трудъ въ недѣлю — остальные три дня крѣпостной крестьянинъ проводилъ на барщинѣ; что притомъ этотъ надѣлъ былъ достаточенъ „для поддержанія того лишь жизненнаго уровня, какой былъ свойственъ закрѣпощенному человѣку, и лишь при такихъ обстоятельствахъ, которыя считались благополучными“. Путемъ вычисленія трудовыхъ и потребительныхъ нормъ доказываютъ, что современные размѣры землевладѣнія и у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ на полномъ надѣлѣ, мало того — даже у бывшихъ государственныхъ крестьянъ, далеко недостаточны ни для того, чтобы крестьянинъ могъ использовать весь свой трудъ на своемъ надѣлѣ, ни для того, чтобы обезпечить удовлетвореніе его на сущныхъ потребностей. Наконецъ, самая обычная мотивировка требованій дополнительнаго надѣла — это приростъ населенія, „прибылыя души“. Это — постоянный и повсемѣстный доводъ въ крестьянскихъ прошеніяхъ и приговорахъ, въ томъ числѣ — въ прошеніяхъ крестьянъ, наилучшимъ образомъ надѣленныхъ землею; „на прибылыя души“ требуютъ земли даже тѣ переселенцы, которые всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ получили 15-десятинный надѣлъ, по наличному душевому расчету. Но съ тѣмъ-же мотивомъ мы встрѣчаемся въ постановленіяхъ и ходатайствахъ земскихъ собраній и сельскохозяйственныхъ комитетовъ, встрѣчаемся съ ними даже въ спеціальной литературѣ; надѣлъ, говорятъ, отводился для поддержанія жизненнаго уровня „лишь того населенія, какое имѣлось въ наличности“ во время отвода, — надѣлъ, отведенный на 100 душъ, не можетъ быть достаточнымъ, черезъ 50 лѣтъ, для удвоившагося населенія...

IV.

Попытаемся однако разобраться въ тѣхъ доводахъ, которыми доказывается малоземелье даже и у наиболѣе изобильно надѣленныхъ землею группъ нашего крестьянства. Говорятъ, прежде всего, что надѣлъ, полученный бывшими крѣпостными при

освобожденіи, могъ дать приложеніе лишь половинѣ труда вышедшаго на волю населенія. Но вѣдь никакая аграрная и соціальная реформа не могла и не можетъ задаваться цѣлью дать приложеніе, на обработкѣ надѣльной земли, непремѣнно *всему* труду крестьянина. Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, такое положеніе, которое, надо надѣяться, когда-нибудь наступитъ: что крестьянинъ достаточно и даже изобильно покрываетъ всѣ свои потребности, затрачивая на обработку надѣльной земли половину своего труда и имѣя свободною половину своего времени; или что онъ имѣетъ заработки, заполняющіе эту свободную половину его времени и гораздо лучше обезпечивающіе его, нежели земледѣліе. Неужели ему все-таки надо непремѣнно дать еще столько-же земли, только для того, чтобы *весь* его трудъ и *все* его рабочее время были заняты обработкою надѣла?... Очевидно, такое требованіе было бы совершенно неразумно. Дѣло, значитъ, не въ томъ, чтобы *занять весь трудъ*, а въ томъ, чтобы дать крестьянину возможность *покрыть свои потребности*. Возьмемъ теперь тѣ случаи, гдѣ при отводѣ надѣловъ не было никакихъ отрѣзковъ: если крестьяне жили съ вошедшей въ ихъ надѣлы земли до выхода на волю, скажемъ въ 1860 году — отчего они не могли прожить съ него и въ 1862 году, послѣ освобожденія? Правда, при крѣпостномъ правѣ надѣлъ „поддерживалъ лишь тотъ жизненный уровень, какой свойственъ закрѣпощенному человѣку“; крестьяне, притомъ, не платили податей въ казну, а повинность помѣщику отбывали своимъ трехдневнымъ трудомъ. Но вѣдь крестьянинъ при крѣпостномъ правѣ могъ затрачивать на обработку своей тягловой земли только *половину* своего труда — вторую онъ отдавалъ помѣщику; и притомъ трудъ крѣпостного отличался тою малою производительностью, какая свойственна, вообще, всякому несвободному труду. Выйдя на волю, получивъ въ свое распоряженіе *весь* свой трудъ, крестьяне могли этотъ трудъ обратить на усиленную и улучшенную обработку земли; притомъ самый трудъ ихъ сталъ трудомъ *свободнымъ*, значитъ болѣе производительнымъ, — и потому полученная крестьянами въ надѣлъ земля могла и должна была бы, при правильномъ ходѣ вещей, давать имъ гораздо больше, чѣмъ она давала при крѣпостномъ правѣ. Я уже говорилъ и долженъ буду опять говорить о томъ, что ходъ-то вещей былъ какъ-разъ *не* правильный, — и потому производительность земли въ дѣйствительности *не* увели-

чивалась или увеличивалось слишкомъ слабо. Но въ такомъ случаѣ дѣло, значитъ, не въ томъ, что крестьяне (напоминаю читателю, что я теперь говорю *только* о получившихъ полный надѣлъ, безъ всякихъ отрѣзковъ; о тѣхъ, кто получилъ, дѣйствительно, мало земли, я говорилъ раньше!) получили слишкомъ мало земли, а въ томъ, что крестьянство было поставлено въ неправильныя условія и благодаря этому не имѣло возможности улучшать свое хозяйство и повышать производительность надѣльныхъ земель.

Однако, къ этому — какъ я сказалъ — я долженъ буду вернуться. Пока же я пойду дальше и остановлюсь на тѣхъ попыткахъ построенія теоретическихъ нормъ, трудовыхъ и потребительныхъ, которыя доказываютъ, что крестьяне, даже наиболѣе изобильно надѣленные землею, имѣютъ ея далеко не достаточно и нуждаются въ дополнительномъ надѣленіи. Я утверждаю, утверждалъ уже много разъ, и никто, пока, не пытался опровергнуть этого утвержденія, что построить такого рода нормы — совершенно неразрѣшимая задача: наука, пока, не изобрѣла способовъ для правильнаго ея разрѣшенія. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно сопоставить хоть нѣсколько попытокъ вычисленія нормъ, дѣлавшихся для тѣхъ же самыхъ или для приблизительно однородныхъ по хозяйственнымъ условіямъ мѣстностей. Такъ, Мензелинскій (Уфимской губерніи) уѣздный комитетъ принималъ за минимальную потребительную норму для своего уѣзда 9 дес. на наличную мужскую душу, Балашевскій бралъ трудовую норму въ 30 дес., Нижегородскій губернскій — въ 25 десятинъ на дворъ; по подсчетамъ департамента окладныхъ сборовъ, заимствованнымъ изъ работъ земскихъ статистиковъ, рабочая норма для Самарской губерніи 27 дес., для рядомъ лежащихъ Уфимской и Оренбургской 51 и 52 дес. на дворъ; по подсчетамъ уфимскихъ земскихъ статистиковъ трудовая норма для степной части губерніи 41 дес., для лѣсной 37 дес. Но рядомъ съ этимъ уфимскіе же земскіе статистики признаютъ достаточнымъ крестьянскій надѣлъ въ 18 десятинъ на дворъ, самарскіе считаютъ достаточною рабочую площадь пашни въ 9—12 десятинъ. Гдѣ же, спрашивается, истина?... А между тѣмъ иначе и быть не можетъ, и никакія попытки построенія нормъ *и не могутъ* дать достовѣрныхъ и убѣдительныхъ для всякаго результатовъ. И это, прежде всего, потому, что каждая изъ тѣхъ величинъ, изъ которыхъ выводятся нормы,

неточна и произвольна: кто, въ самомъ дѣлѣ, точно знаетъ среднюю урожайность полей и луговъ въ каждой данной мѣстности, среднія продажныя цѣны, среднія потребности крестьянскаго двора?... А достаточно прикинуть или скинуть пять пудовъ на десятину средней урожайности, увеличить или уменьшить на 2—3 пуда на душу размѣръ годового потребленія хлѣба, такъ или иначе учесть количество сѣна и вспомогательныхъ кормовъ, потребляемое скотомъ, принять шире или уже предѣлы рабочей силы крестьянскаго двора, принимать во вниманіе тѣ или другіе способы обработки пашни и уборки хлѣба, — и получатся совершенно различныя нормы. И какія изъ нихъ болѣе вѣрны, какія менѣе — этого никто не знаетъ. А затѣмъ еще вотъ что: вѣдь всякая норма вычисляется по соображенію съ существующими техническими и экономическими условіями крестьянскаго хозяйства, значитъ признаетъ эти условія за нѣчто данное, неизмѣнное, тогда какъ напротивъ — эти условія мѣняются и *должны* мѣняться, въ зависимости главнымъ образомъ отъ сгущенія населенія и отъ сокращенія среднихъ размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія. Отсюда получается цѣлый рядъ несообразностей, между прочимъ и та, что вычисленныя на такихъ основаніяхъ нормы даютъ какъ бы награду за плохое хозяйство. Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что въ одной мѣстности крестьяне сильно удобряютъ землю, и потому получаютъ урожаи, кругомъ, по 75 пудовъ съ десятины; въ другой, въ предѣлахъ той же губерніи, они совершенно истощили свои надѣльныя земли хищническимъ переложнымъ хозяйствомъ и получаютъ съ нихъ, въ среднемъ, всего 25 пудовъ (а по почвѣ эти земли, можетъ быть, даже и лучше!), — въ этой второй мѣстности земли потребуется, значитъ, втрое больше, нежели въ первой. Или что въ одной волости крестьяне перепахиваютъ паръ по три и по четыре раза, въ другой — всего по одному разу; значитъ, во второй волости крестьянинъ можетъ „управить“ гораздо больше земли, чѣмъ въ первой, и значитъ, въ награду за плохую обработку земли, онъ долженъ получить земли по болѣе высокой трудовой нормѣ?!... Или еще: крестьяне какой-нибудь мѣстности, раньше пахавшіе землю сохами, а хлѣбъ убиравшіе серпами, завели у себя буккера и жатвенныя машины, помощью которыхъ они могутъ управить втрое больше земли, чѣмъ прежде; значитъ, для нихъ придется вычислить втрое большія трудовыя нормы?... Но вѣдь это уже —

совершенная бозсмыслица, потому что населеніе растетъ, а земля остается та-же, — значитъ, нормы не могутъ увеличиваться, подъ вліяніемъ появленія улучшенныхъ орудій и машинъ, дающихъ крестьянину возможность обрабатывать и большее количество земли.

Но самое главное — это вотъ что: что вычисленія теоретическихъ нормъ, все равно, трудовыхъ или потребительныхъ, не могутъ имѣть никакого практическаго значенія — столько земли, сколько потребовалось бы для надѣленія по такимъ нормамъ, неоткуда взять. Въ Саратовской губерніи надѣльной земли приходится на дворъ, кругомъ, около $6^1/_2$—7 дес., а по нормѣ требуется 30 дес., значитъ въ 4—$4^1/_2$ раза больше; въ Нижегородской по нормѣ требуется 25 дес., въ дѣйствительности имѣется кругомъ около 6 дес. на дворъ — значитъ, надѣлы надо увеличить тоже въ 4 раза. По общему подсчету, сдѣланному департаментомъ окладныхъ сборовъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, надѣльныя земли, въ итогѣ по 50 губерніямъ Европейской Россіи, могутъ занять лишь 21%, т.-е. около одной пятой части рабочей силы крестьянскаго населенія. Чтобы занять *всю* рабочую силу, пришлось бы, значитъ, увеличить впятеро крестьянское землевладѣніе, — между тѣмъ, черезъ нѣсколько страницъ мы увидимъ, что въ дѣйствительности нѣтъ возможности его даже удвоить... Очевидно, значитъ, какія нормы ни вычисляй — это будетъ совершенно праздным упражненіемъ, потому что надѣлить крестьянъ по такимъ нормамъ не будетъ никакой физической возможности. Если въ настоящее время значительная часть рабочей силы нашего крестьянства не находитъ себѣ занятія на надѣльной землѣ — надо, значитъ, усилить и улучшить обработку, чтобы данная площадь земли давала приложеніе большему количеству рабочей силы; если въ данное время надѣльныя земли не могутъ удовлетворить потребностямъ населенія, — надо позаботиться о томъ, чтобы онѣ давали больше, чѣмъ даютъ теперь, т.-е. опять-таки надо улучшить хозяйство на этихъ земляхъ и повысить ихъ производительность.

И, наконецъ, „прибылыя души“, приростъ населенія. Здѣсь дѣло, въ сущности, уже совершенно просто. Разъ земная поверхность ограничена и не можетъ расти, а населеніе растетъ съ каждымъ годомъ, всегда возрастало и всегда будетъ возрастать, то само собою ясно, что земельное обезпеченіе этого возрастающаго населенія не можетъ оставаться одинаково широ-

кимъ и изобильнымъ. Приростъ населенія *неизбѣжно* долженъ вести за собой „утѣсненіе“, и естественный выходъ изъ этого утѣсненія — въ улучшеніи хозяйства и обработки земли, при которомъ на счетъ данной ея площади получитъ возможность существовать все болѣе и болѣе многочисленное населеніе. „Увеличеніе населенія — говорилъ еще въ 70-хъ годахъ одинъ извѣстный изслѣдователь (Чаславскій), и связанное съ нимъ стѣсненіе въ земляхъ всегда вынуждаютъ переходъ къ новой системѣ хозяйства“; разъ этотъ переходъ совершился — данное количество земли можетъ вмѣстить гораздо большее населеніе, — мало того, этому размножившемуся населенію, несмотря на „утѣсненіе“, будетъ житься *лучше*, чѣмъ живетъ населеніе при большомъ просторѣ, но при плохомъ хозяйствѣ и несовершенной обработкѣ земли. Это — основной законъ развитія сельскаго хозяйства, и всякаго рода требованія дополнительнаго надѣла, основанныя на одномъ только приростѣ населенія, являются отрицаніемъ этого закона. Не земля, повторяю, должна расти, а должна расти интенсивность ея обработки; при правильномъ ходѣ вещей это такъ и происходитъ, и тѣмъ самымъ устраняется вопросъ объ „утѣсненіи“ и малоземельѣ....

И опять — все это вѣрно при „правильномъ ходѣ вещей“, — а можно ли говорить у насъ о такомъ правильномъ ходѣ?... Очевидно нѣтъ. Я уже упоминалъ о томъ, что крестьяне и крестьянское хозяйство съ самаго освобожденія крестьянъ были поставлены и до сихъ поръ поставлены въ самыя неблагопріятныя условія, дѣлавшія совершенно невозможнымъ или во всякомъ случаѣ — до крайности затруднявшія всякое улучшеніе крестьянскаго хозяйства и всякое повышеніе производительности крестьянскихъ земель. И чрезмѣрность податного обложенія, отнимавшая у крестьянъ необходимыя для улучшенія хозяйства средства; и недостаточность заботъ о народномъ просвѣщеніи; и отрѣзанность деревни отъ болѣе культурныхъ слоевъ населенія; и правовое положеніе крестьянина, до послѣдней степени стѣснявшее возможность проявленія и развитія личной и общественной иниціативы; и почти полное отсутствіе систематическаго общественнаго воздѣйствія на технику крестьянскаго хозяйства, — вся эта совокупность мыслимо-неблагопріятныхъ обстоятельствъ, съ присоединеніемъ сюда еще одного, въ высшей степени серьезнаго, о которомъ я долженъ буду сказать особо, въ самомъ концѣ этой книжки, необходимо должна была вести

и дѣйствительно повела за собою полный застой крестьянскаго хозяйства, должна была устранить и дѣйствительно устранила всякую возможность сколько-нибудь существеннаго его улучшенія. Населеніе непрерывно росло — съ 1861 года оно приблизительно удвоилось; хозяйство оставалось почти то же, — очевидно, что при такомъ застоѣ отведенные 40—50 лѣтъ назадъ надѣлы теперь уже не могутъ удовлетворить потребностямъ почти удвоившагося населенія. Отсюда, изъ этого застоя, и произошелъ тотъ острый кризисъ, который проявлялся въ хроническихъ голодовкахъ и котораго острымъ симптомомъ являются крестьянскія волненія. Дѣйствительный выходъ изъ этого кризиса — дальше я буду объ этомъ говорить подробнѣе — только одинъ: улучшеніе способовъ хозяйства и обработки земли и неразрывно связанное съ этимъ повышеніе ея производительности. Но такое улучшеніе и такое повышеніе не можетъ послѣдовать по щучьему велѣнію, — крестьянское хозяйство, стоявшее неподвижно десятки лѣтъ, не можетъ разомъ двинуться впередъ и разомъ, скажемъ, удвоить производительность земли. Для этого требуются годы и, можетъ быть, десятилѣтія. А между тѣмъ, въ моментъ такого остраго кризиса, какъ теперь, нужны скоро дѣйствующія мѣры, — и такою скоро дѣйствующею мѣрой, до извѣстной степени, можетъ явиться дополнительное надѣленіе: „расширить площадь крестьянскаго землевладѣнія нужно уже потому, что повышеніе производительности народнаго труда есть длинный и сложный процессъ, требующій для своего осуществленія многихъ лѣтъ и даже десятилѣтій, а крестьянская нужда не ждетъ и требуетъ помощи немедленно“ (Туганъ-Барановскій)... Нельзя скрывать отъ себя, правда, и того, что само дополнительное надѣленіе — далеко не такая скоро дѣйствующая мѣра, какъ принято думать: планомѣрное осуществленіе ея тоже потребуетъ немало лѣтъ, хотя бы уже по одному тому, что милліонамъ населенія, чтобы получить дополнительный надѣлъ, придется переселяться и разселяться. Нельзя скрывать отъ себя и того, что всякое расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, какъ бы широко, въ практически-мыслимыхъ предѣлахъ, оно ни было проведено, можетъ быть только палліативомъ, только пластыремъ, который наклеиваютъ на зіяющую язву, который можетъ ненадолго утолить острую боль, но не можетъ вылѣчить самой язвы. Вѣдь въ чемъ причина этой язвы, въ чемъ та органическая болѣзнь, которой она является наружнымъ

симптомомъ? Въ томъ, что принятые у крестьянъ способы хозяйства уже давно не соотвѣтствуютъ современной густотѣ населенія. Всякая система хозяйства цѣлесообразна, всякая система хозяйства хорошо обезпечиваетъ населеніе только при достаточномъ просторѣ: то залежное хозяйство, какое еще теперь ведется, въ формѣ безобразнаго нестрополья, въ нашихъ южныхъ и юго-восточныхъ степяхъ, имѣло полный смыслъ при томъ просторѣ, какой сейчасъ существуетъ только въ самыхъ пустынныхъ мѣстностяхъ Сибири; трехполье среднихъ губерній имѣетъ резонъ тамъ, гдѣ площадь сѣнокосовъ по крайней мѣрѣ равна площади пахатныхъ земель. Если бы дополнительный надѣлъ могъ вновь создать это давно исчезнувшее многоземелье,— онъ, на нѣкоторое время, дѣйствительно, помогъ бы крестьянамъ; но для этого нужно было бы увеличить крестьянскіе надѣлы гдѣ втрое, гдѣ вчетверо, а гдѣ и еще больше. Для этого неоткуда взять земли. Практически можно увеличить крестьянскіе надѣлы, въ лучшемъ случаѣ, на третью часть, едва ли на половину; а если распредѣлить имѣющіеся земельные запасы по нуждѣ, то бо́льшая часть этихъ запасовъ, конечно, отойдетъ самымъ малоземельнымъ; уже среднеземельнымъ достанется развѣ только очень немного, а многоземельнымъ не останется ничего. А разъ это такъ, то значитъ расширеніе крестьянскаго землевладѣнія не можетъ возстановить того простора, при которомъ залежное или трехпольное хозяйство стало бы опять давать хорошіе урожаи, — оно можетъ, слѣдовательно, только дать населенію возможность еще на нѣкоторое время остаться при томъ же полуголодномъ существованіи, какое оно ведетъ теперь. Какъ ни увеличивай надѣлы—*единственною* коренною мѣрой все-таки останется улучшеніе крестьянскаго хозяйства и повышеніе производительности крестьянскихъ земель...

Нельзя скрывать отъ себя этого всего — и тѣмъ не менѣе, *необходимо* сдѣлать все, что́ только возможно, для расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Когда врачъ лѣчитъ больного, онъ долженъ направить всѣ свои старанія на то, чтобы бороться съ причиною, съ корнемъ болѣзни; но если для этого требуется продолжительное лѣченіе, — онъ непремѣнно позаботится и о томъ, чтобы утолить ту острую боль, которой больной уже не можетъ выносить, чтобы понизить тотъ жаръ, отъ котораго больной можетъ сгорѣть, прежде чѣмъ поможетъ начатое врачомъ продолжительное лѣченіе. Такъ точно и въ дан-

номъ случаѣ: коренного излѣченія того кризиса, отъ котораго страдаетъ наше крестьянство, можно ожидать только отъ устраненія всей той совокупности ненормальныхъ условій, благодаря которымъ возникъ этотъ кризисъ, и въ особенности — отъ улучшенія крестьянскаго хозяйства и повышенія производительности крестьянскихъ земель; чтобы устранить этотъ кризисъ, необходимо „выучить земледѣльца искусству выращивать два колоса на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде росъ одинъ“ (А. И. Чупровъ). Но чтобы ослабить острый кризисъ, чтобы дать крестьянину какъ бы передышку, дать ему время выучиться этому искусству, необходимо — еще разъ повторяю — сдѣлать все, что только возможно, для расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Только съ одною оговоркой, значеніе которой выяснится ниже: палліативныя средства не должны помѣшать успѣху радикальнаго лѣченія—мѣры, направленныя къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія не должны вести къ подрыву производительныхъ силъ страны и мѣшать разрѣшенію основной задачи — повышенія ея сельскохозяйственной культуры.

V.

Посмотримъ же теперь, что́ можно сдѣлать для расширенія крестьянскаго землевладѣнія.

Я не буду подробно говорить здѣсь о переселеніи за предѣлы Европейской Россіи — этому вопросу я посвятилъ, между прочимъ, отдѣльную брошюру („Переселеніе. Мечты и дѣйствительность“!), которая выходитъ въ свѣтъ почти одновременно съ этою книжкой. Скажу только кратко: въ Азіатской Россіи имѣется весьма много лѣсныхъ земель... на которыя крестьяне не хотятъ переселяться, и чрезвычайно мало удобныхъ степныхъ земель, которыя однѣ только и могутъ служить для водворенія переселенцевъ изъ черноземной полосы, т.-е. какъ разъ изъ тѣхъ мѣстностей Европейской Россіи, гдѣ земельныя нужда испытывается всего острѣе, — и такимъ образомъ получается то неожиданное и на первый взглядъ несообразное явленіе, что необъятныя азіатскія владѣнія Россіи не могутъ стать пріемникомъ для сколько-нибудь значительнаго переселенческаго движенія. До сихъ поръ это движеніе никогда не достигало даже 200 тысячъ въ годъ. Теперь надѣются довести годичный размѣръ переселенія до 300 тысячъ. Это едва ли удастся. Но

если бы это и удалось, если бы переселеніе достигло даже такого размѣра, о какомъ не мечтаетъ теперь никто, скажемъ хоть полумилліона въ годъ, — все-таки это была бы только небольшая часть годичнаго прироста населенія Европейской Россіи; переселеніе не уносило бы даже „прибылыхъ душъ“, — значитъ какая же можетъ быть рѣчь о переселеніи, какъ о способѣ сколько нибудь серьезно расширить крестьянское землевладѣніе?...

Слѣдовательно, при разрѣшеніи нашего аграрнаго вопроса приходится разсчитывать почти исключительно на земельные запасы Европейской Россіи. Посмотримъ же теперь, каковы эти запасы.

На первый взглядъ, они очень велики. По наиболѣе новымъ свѣдѣніямъ, удобная площадь надѣльныхъ земель въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи достигаетъ 113 милліоновъ десятинъ. Внѣнадѣльныхъ земель, въ тѣхъ же 50 губерніяхъ, насчитывается: 107 милліоновъ десятинъ казенныхъ (не считая 27 милл. дес. тундръ Архангельской губ.), 8 милліоновъ дес. удѣльныхъ и 103 милл. дес. частновладѣльческихъ, считая въ томъ числѣ земли монастырей, городовъ и т. п. Значитъ, земельные запасы страны какъ будто бы даютъ возможность почти утроить размѣры крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія... Но это, именно, только „какъ будто бы“. Если же присмотрѣться ближе къ приведеннымъ цифрамъ, то окажется прежде всего, что весьма значительную часть этой огромной площади внѣнадѣльныхъ земель составляютъ лѣса. Изъ 115 милліоновъ десятинъ казенныхъ и удѣльныхъ земель на лѣса приходится 109 милліоновъ, а на земельныя угодья всего 6 милліоновъ десятинъ. Какую долю площади частновладѣльческихъ земель занимаютъ лѣса, — это въ точности неизвѣстно, но по приблизительному расчету они должны составлять немногимъ менѣе половины. На первый взглядъ въ этомъ нѣтъ бѣды: наличность лѣса — говоритъ авторъ недавно вышедшей очень хорошей книжки по аграрному вопросу, М. И. Туганъ-Барановскій, „только увеличиваетъ цѣнность выкупаемой земли въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ лѣса мало“. *Это*, можетъ быть, и совершенно вѣрно — крестьяне, во многихъ мѣстностяхъ, были бы очень рады получить дополнительный надѣлъ изъ лѣса!... Но можно ли, такъ просто, отдать лѣса въ дополнительный надѣлъ? Если отведенный крестьянамъ лѣсъ будетъ обращенъ въ земельныя угодья — онъ, очевидно, перестанетъ быть лѣсомъ; если онъ

будетъ отведенъ для топлива и строительнаго матеріала — все-таки, не подлежитъ сомнѣнію, онъ будетъ чрезвычайно быстро уничтоженъ: крестьяне не сумѣютъ его сберечь да вѣдь и трудно на маленькой площади деревенскаго надѣла, да еще при недостаткѣ лѣса, правильно поставить лѣсное хозяйство. А между тѣмъ, лѣса играютъ вѣдь чрезвычайно важную роль въ жизни страны и народа. Нечего уже говоритъ о топливѣ и строительномъ матеріалѣ — достаточно только напомнить, что въ нашихъ степныхъ мѣстностяхъ и вообще въ черноземной полосѣ безлѣсье является одною изъ главныхъ причинъ, мѣшающихъ крестьянамъ унаважпвать поля: крестьянамъ приходится жечь солому, вмѣсто того чтобы использовать ее на удобреніе. Но вѣдь это еще далеко не все: вспомните только, читатель, объ обмеленіи рѣкъ, образованіи овраговъ и сыпучихъ песковъ; вспомните, главное, о все усиливающейся засушливости и неурожайности нашихъ южныхъ и юго-восточныхъ степей — это все вѣдь слѣдствія безлѣсья и все усиливающагося лѣсоистребленія... Во многихъ мѣстностяхъ, во всей черноземной полосѣ, дѣло дошло теперь ужъ до того, что приходится думать не о распашкѣ лѣсовъ, вообще не о *сокращеніи* лѣсной площади, а напротивъ — о *насажденіи*, вообще о *возстановленіи* уничтоженныхъ лѣсовъ. Мнѣ скажутъ: а развѣ частное землевладѣніе обезпечиваетъ сохраненіе лѣсовъ? развѣ мало истребляются лѣса и у владѣльцевъ?... Совершенно вѣрно; но все-таки частные владѣльцы лучше могутъ сохранить, и дѣйствительно сохраняютъ, свои лѣса, нежели крестьяне. Нерѣдко, правда, истребляются и владѣльческіе лѣса, и вообще судьба ихъ слишкомъ зависитъ отъ случайнаго каприза или денежной нужды владѣльца. Но исходъ отсюда одинъ: *обращеніе лѣсовъ въ непосредственное завѣдываніе государства*, которое одно только, въ концѣ концовъ, можетъ навсегда сохранить лѣса, гдѣ ихъ требуется сохранить, и упорядочить снабженіе населенія лѣсными матеріалами. Противъ экспропріаціи лѣсовъ изъ частнаго владѣнія въ непосредственное распоряженіе государства нельзя найти серьезныхъ возраженій, и такая экспропріація, конечно, произойдетъ если не теперь, то въ будущемъ. Совсѣмъ другое дѣло — отводъ лѣсныхъ площадей въ крестьянскіе надѣлы. Использовать для *этой* цѣли можно только *излишки лѣсной площади* сверхъ нормальной лѣсистости, и притомъ лишь тѣ лѣсные участки, которые не имѣютъ суще-

ственнаго защитнаго, водоохраннаго, климатическаго или промышленнаго значенія*). Совершенно ясно, что для всего черноземнаго юга и центра, гдѣ уже приходится — какъ я говорилъ — начать думать о разведеніи лѣсовъ, не можетъ быть и рѣчи о расширеніи, за ихъ счетъ, крестьянскаго землевладѣнія. Излишки лѣсовъ окажутся только въ сѣверозападныхъ, подмосковныхъ, пріозерныхъ, частью западныхъ, а главное — въ сѣверныхъ губерніяхъ. По такимъ губерніямъ, какъ Олонецкая, Пермская, Новгородская, Минская и нѣкоторыя другія, въ особенности же по Вологодской и Архангельской, излишекъ лѣсовъ, при не слишкомъ щедромъ расчетѣ, будетъ болѣе чѣмъ достаточенъ для покрытія всего недостатка въ землѣ, испытываемаго крестьянами, и по сѣвернымъ губерніямъ значительная лѣсная площадь останется въ избыткѣ. Но для всякаго ясно, что избытки архангельскихъ и вологодскихъ лѣсовъ — это не такія земли, какія нужны малоземельному полтавцу, курянину или вообще — крестьянину черноземной полосы.

Если мы теперь возвратимся къ приведеннымъ выше общимъ цифрамъ, то мы увидимъ прежде всего, что изъ огромной общей площади владѣній казны и удѣла, достигающей 115 милліоновъ десятинъ, лѣса занимаютъ 109 (сто девять!) милл. дес., — и изъ нихъ почти 80 милл. дес. приходится на сѣверныя и пріозерныя губерніи, всего 29 милліоновъ на все остальное пространство Европейской Россіи, и изъ нихъ около половины — на губерніи черноземной полосы. Совершенно ясно, что о какомъ-либо избыткѣ лѣсовъ въ этой полосѣ не можетъ быть и рѣчи, — единственное исключеніе составляютъ, повидимому, Казанская и Волынская губерніи. Земельныхъ угодій у казны съ удѣломъ всего 6 милліоновъ десятинъ, главною своею массою расположенныхъ въ черноземныхъ и особенно въ юго-восточныхъ, заволжскихъ губерніяхъ. И на эту площадь далеко не въ полной мѣрѣ можно разсчитывать для надѣленія малоземельныхъ: часть ея, расположенная на крайнемъ юго-востокѣ, едва ли удобна для этой цѣли по почвѣ, климату, а главное — по недостатку воды; а главное — значительная часть земельныхъ угодій казны и удѣла уже и сейчасъ состоитъ въ арендѣ у

*) Вспомните о горнозаводскихъ лѣсахъ, безъ которыхъ горнымъ заводамъ Урала придется прекратить свою дѣятельность, и населеніе останется безъ главнаго источника средствъ существованія!

крестьянъ; арендуютъ, правда, далеко не всегда самые малоземельные — но во всякомъ случаѣ съ интересами этихъ арендаторовъ придется очень серьезно считаться. А вѣдь даже если бы можно было использовать для расширенія крестьянскаго землевладѣнія и всѣ 6 милліоновъ десятинъ безъ остатка — то что такое 6 милліоновъ, когда земельная нужда крестьянъ исчисляется десятками, а пожалуй и сотнями милліоновъ десятинъ?!...

Значитъ, вся надежда на *частновладѣльческія* земли. Общая удобная ихъ площадь, я сказалъ, около 103 милл. дес... Но довольно значительная часть ихъ — это вѣдь мелкія владѣнія, частью пріобрѣтенныя крестьянами черезъ посредство крестьянскаго банка или иначе, частью хотя и принадлежащія лицамъ другихъ сословій, но имѣющія такой же трудовой характеръ, какъ и крестьянскія земли. Какую площадь занимаютъ мелкія владѣнія, въ точности неизвѣстно; но можно думать, что такихъ владѣній не менѣе 20 милліоновъ десятинъ — однѣхъ только земель, купленныхъ крестьянами при помощи крестьянскаго банка, къ 1 января 1906 года насчитывалось до 9 милліоновъ десятинъ. Изъ остальныхъ, приблизительно, 85 милліоновъ десятинъ на земельныя угодья приходится 45—50 милліоновъ десятинъ, остальные, примѣрно, 40 милліоновъ занимаютъ опять-таки лѣса, часть которыхъ, въ нечерноземной полосѣ, конечно, тоже можетъ быть обращена на расширеніе крестьянскаго землевладѣнія. Ниже мы увидимъ, что даже всѣхъ владѣльческихъ земель далеко недостаточно для сколько-нибудь широкаго удовлетворенія крестьянской земельной нужды, — для того, напримѣръ, чтобы надѣлить всѣ „прибылыя души“ или отвести дополнительный надѣлъ по какимъ-нибудь трудовымъ или потребительнымъ нормамъ. Но во всякомъ случаѣ, количество владѣльческихъ земель въ странѣ во много разъ больше, чѣмъ земельныхъ угодій казны и удѣла, — слѣдовательно, вся суть вопроса о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія сводится къ вопросу о частновладѣльческихъ земляхъ.

Спрашивается, какими путями могутъ быть использованы частновладѣльческія земли для цѣлей расширенія крестьянскаго землевладѣнія? Есть люди — правда ихъ уже немного, которые еще надѣются на вольную продажу: вѣдь за 45 лѣтъ — говорятъ они — 20 милліоновъ десятинъ перешло уже изъ дворянскихъ рукъ въ руки крестьянъ; такъ же точно дѣло будетъ итти

и дальше, и въ концѣ концовъ вся земля перейдетъ въ руки трудящагося класса населенія. Но — какъ совершенно правильно говоритъ по этому поводу А. В. Пѣшехоновъ — „мѣновой аппаратъ при данныхъ условіяхъ оказывается крайне несовершеннымъ регуляторомъ земельныхъ отношеній: земля хотя и движется къ крестьянамъ, но далеко не ко всѣмъ, движется медленнѣе, чѣмъ наростаетъ ихъ нужда въ ней, движется обходными путями, достигаетъ до нихъ настолько обремененной арендными и ипотечными платежами, что вмѣсто того, чтобы служить имъ средствомъ для приложенія свободнаго труда, является орудіемъ экономическаго порабощенія“... Иначе сказать: путемъ вольной продажи владѣльческія земли попадаютъ въ руки не самыхъ малоземельныхъ, не наиболѣе нуждающихся въ землѣ, а въ руки самыхъ крѣпкихъ элементовъ крестьянства, а очень значительныя пространства, попавъ въ крѣпкія руки капиталистовъ, и никогда не перейдутъ отъ нихъ къ трудовому населенію. А что̀ послѣднему и удастся пріобрѣсти — это пріобрѣтается и будетъ пріобрѣтаться по такимъ цѣнамъ и на такихъ условіяхъ, которыя будутъ способствовать скорѣе разоренію трудового крестьянства, чѣмъ улучшенію его положенія.

Далеко недостаточна и помощь крестьянскаго поземельнаго банка. Слишкомъ хорошо извѣстно, что дѣятельность банка способствовала, больше всего, искусственному вздутію продажныхъ цѣнъ на владѣльческія земли; что эти земли и черезъ посредство крестьянскаго банка, какъ и помимо него, попадали въ руки не наиболѣе малоземельныхъ, а наоборотъ — самыхъ крѣпкихъ элементовъ крестьянскаго населенія; что, наконецъ, требовавшіяся банкомъ доплаты вовлекали крестьянъ въ долги на самыхъ разорительныхъ условіяхъ. Правда, въ постановкѣ дѣятельности банка многое должно было измѣниться и, кажется, дѣйствительно измѣнилось съ изданіемъ манифеста и указа 3 ноября 1905 года: устранено требованіе доплатъ, задачею банка поставлена помощь именно *малоземельному* населенію. Но все-таки и въ будущемъ придется считаться съ согласіемъ владѣльцевъ, которые, сплошь и рядомъ, именно тамъ, гдѣ ихъ земли нужнѣе всего крестьянамъ, вовсе не захотятъ входить въ сдѣлки съ банкомъ — не захотятъ потому, что именно тутъ-то имъ и выгодно остаться при существующемъ положеніи. А главное — акты 3-го ноября не только не понизятъ тѣхъ цѣнъ, которыя требуютъ владѣльцы, но наоборотъ —

будутъ, скорѣе, способствовать дальнѣйшему ихъ повышенію: „чѣмъ больше будутъ выдаваемыя банкомъ ссуды, тѣмъ шире для частныхъ владѣльцевъ будетъ возможность учитывать въ свою пользу не только настоящіе, но и будущіе доходы крестьянскаго хозяйства“ (Пѣшехоновъ). Правда, въ теченіе нѣсколькихъ осеннихъ мѣсяцевъ 1905 года, подъ вліяніемъ главнымъ образомъ прокатившейся по странѣ волны аграрныхъ безпорядковъ, землевладѣльцы начали-было проявлять нѣсколько большую сговорчивость, — но стоило только безпорядкамъ затихнуть на зиму — и цѣны стали вновь проявлять тенденцію къ повышенію...

Не подлежитъ, значитъ, сомнѣнію, что переходъ владѣльческихъ земель въ крестьянскія руки не можетъ совершиться, въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ и на сколько-нибудь выгодныхъ для крестьянъ условіяхъ, безъ принудительнаго воздѣйствія со стороны государственной власти. И здѣсь я остановлюсь прежде всего на прогрессивномъ поземельномъ обложеніи — мѣрѣ, помощью которой многіе надѣются достигнуть желаемой цѣли. „Пусть государство — писалъ не такъ давно тотъ же Пѣшехоновъ — заявитъ, что весь дальнѣйшій незаслуженный землевладѣльцемъ приростъ цѣнности его земли долженъ принадлежать не ему, а народу, коллективными усиліями котораго онъ будетъ создаваться и опредѣляться“... И многіе изъ тѣхъ, кто искренно желаетъ добра народу, но останавливается передъ болѣе радикальными способами разрѣшенія вопроса, надѣются, что прогрессивный поземельный налогъ съ высокою прогрессіей будетъ совершенно достаточенъ, чтобы побудить крупныхъ землевладѣльцевъ распродать свои владѣнія и чтобы передвинуть владѣльческія земли въ руки трудового населенія.

Само собою разумѣется, что я безусловно стою за прогрессивный поземельный налогъ; независимо отъ требованій справедливости, такой налогъ, несомнѣнно, приведетъ къ раздробленію слишкомъ крупныхъ владѣній, тѣхъ латифундій, которыя когда-то „сгубили Римъ“, и существованіе которыхъ не имѣетъ за себя, въ сущности, никакихъ разумныхъ основаній; мало того — подталкивая землевладѣльцевъ изыскивать всѣ возможныя мѣры къ повышенію доходности своихъ имѣній — той *нерентной* доходности, которая не будетъ попадать подъ прогрессивное обложеніе, этотъ налогъ будетъ, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, однимъ изъ сильнѣйшихъ побужденій къ улучшенію культуры на владѣльческихъ земляхъ. Я иду въ этомъ отно-

шеніи гораздо дальше г. Пѣшехонова и думаю, что поземельный налогъ долженъ поглотить не только „дальнѣйшій незаслуженный приростъ“, т.-е. будущее вздорожаніе земли, но и болѣе или менѣе всю, такъ называемую, дифференціальную ренту, т.-е. весь тотъ доходъ, который земля способна давать помимо всякихъ усилій и затратъ со стороны владѣльца. Но, конечно, эта мѣра не можетъ рѣшить аграрнаго вопроса. Прежде всего, прогрессивное обложеніе можетъ уловить именно только нормальную въ извѣстной мѣстности дифференціальную ренту, но не такъ называемую абсолютную ренту; иначе сказать, путемъ такого обложенія нельзя бороться съ тѣми, уже въ полномъ смыслѣ слова ростовщическими доходами, которые извлекаютъ изъ безвыходнаго положенія сосѣдей-крестьянъ владѣльцы всякаго рода „клиньевъ“, „обрѣзковъ“, „западней“ и т. п. — вообще съ тѣмъ закабаленіемъ, которое является слѣдствіемъ острой земельной нужды крестьянскаго населенія. А главное — если прогрессивный налогъ, можетъ быть, и заставитъ владѣльцевъ раздробить свои слишкомъ крупныя имѣнія на болѣе мелкія, то нѣтъ никакого основанія ожидать, чтобы раздробляющіяся имѣнія перешли въ руки малоземельнаго крестьянства; напротивъ — земля и въ этомъ случаѣ попадетъ, въ главной своей массѣ, въ руки наиболѣе крѣпкихъ, крупно- и средне-капиталистическихъ элементовъ, въ лучшемъ случаѣ — въ руки зажиточныхъ элементовъ изъ среды крестьянства, такъ называемой сельской буржуазіи.

И въ концѣ концовъ единственною серьезною мѣрой, способною привести къ расширенію, въ практически-возможныхъ предѣлахъ, крестьянскаго землевладѣнія, является выкупъ владѣльческихъ земель распоряженіемъ государственной власти, или такъ называемое принудительное отчужденіе. Отъ этой мѣры никуда не уйти, и только своевременное примѣненіе этого способа расширенія крестьянскаго землевладѣнія могло предупредить современное обостреніе аграрнаго вопроса...

VII.

Очень многіе — и притомъ не одни только заинтересованныя лица, крупные землевладѣльцы, выступаютъ противъ принуди-

тельнаго отчужденія съ чисто принципіальными возраженіями — доказывая, что эта мѣра противорѣчила бы существующему формальному праву, противорѣчила бы принципу собственности, являющемуся основою всего современнаго правового строя. Я не придаю никакого значенія *этого* рода возраженіямъ. Ссылки на право собственности хороши, пока рѣчь идетъ объ огражденіи своего имущества *на почвѣ существующаго закона*, но онѣ утрачиваютъ всякое значеніе, когда рѣчь идетъ о крупной соціальной реформѣ. „Для законодательной власти,— говоритъ профессоръ-юристъ В. М. Хвостовъ,— при осуществленіи какихъ бы то ни было реформъ не можетъ быть вопроса о неприкосновенности права вообще и права собственности въ частности, ибо всякая крупная реформа неизбѣжно связана съ ломкой тдѣйствовавшаго ранѣе права. Дѣйствующее право должно быть не прикосновенно въ глазахъ частныхъ гражданъ, а также органовъ суда и администраціи; ни тѣ ни другіе не должны нарушать законовъ. Но законодательная власть руководится не формальнымъ правомъ, источникомъ котораго она сама является, а справедливостью и соображеніями государственной необходимости". А справедливость и государственная необходимость безусловно требуютъ принудительнаго отчужденія — инымъ способомъ нельзя сколько-нибудь широко разрѣшить и справедливую, и государственно-важную задачу расширенія крестьянскаго землевладѣнія; справедливость требуетъ и того, чтобы помѣстный классъ поступился извѣстною долею своихъ интересовъ, потому вѣдь *онъ*, помѣстный классъ, былъ главнымъ виновникомъ всѣхъ темныхъ сторонъ освободительной реформы 19 февраля 1861 года, извративъ добрыя намѣренія императора Александра II и его ближайшихъ сотрудниковъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ; онъ былъ виновникомъ и всей той „внутренней политики" пореформеннаго періода, которая имѣла своимъ прямымъ или косвеннымъ послѣдствіемъ разореніе деревни и привела насъ къ переживаемому нами кризису. Весь вопросъ только въ томъ, *на какихъ условіяхъ* и *до какихъ предѣловъ* можетъ и должно быть допущено принудительное отчужденіе,— и этотъ вопросъ долженъ быть, опять-таки, разрѣшенъ на почвѣ тѣхъ же основныхъ началъ — справедливости и цѣлесообразности...

И прежде всего мы встрѣчаемся здѣсь съ вопросомъ о возмездномъ или безвозмездномъ отчужденіи — о выкупѣ или конфискаціи.

И этотъ вопросъ, какъ и всѣ остальные, не можетъ быть рѣшенъ простою ссылкою на дѣйствующее право. Какъ положенія 19-го февраля когда-то безвозмездно (по крайней мѣрѣ въ принципѣ!) уничтожили право собственности помѣщиковъ на личность и на трудъ ихъ крѣпостныхъ (а вѣдь по дѣйствовавшему до 1861 года закону это было такое же „священное“ право собственности, какъ и всякое другое!), такъ точно тотъ законъ, который опредѣлитъ основанія будущей аграрной реформы, можетъ, если будетъ признано справедливымъ и умѣстнымъ — безвозмездно уничтожить частную собственность на землю; предъ лицомъ законодателя, передъ выразившейся въ народномъ представительствѣ народною волей, должны умолкнуть ссылки на дѣйствующее право. И тѣмъ не менѣе я, вмѣстѣ съ такими несомнѣнными народолюбцами, какъ М. И. Туганъ-Барановскій, С. Я. Елпатьевскій, А. В. Пѣшехоновъ, вмѣстѣ съ дѣятелями земскихъ съѣздовъ и съ программами всѣхъ прогрессивныхъ партій, кромѣ, конечно, такъ называемыхъ крайнихъ, не признаю возможнымъ безвозмездное отнятіе владѣльческихъ земель и рѣшительно высказываюсь за выкупъ. Я такъ же хорошо, какъ и сторонники „конфискаціи“, знаю, что земля — *не* продуктъ труда землевладѣльцевъ; мало того — что въ источникѣ возникновенія частной земельной собственности лежатъ, въ большей части, либо прямое насиліе и захватъ, либо произвольныя распоряженія государственной власти, раздарившей, въ свое время, десятки милліоновъ десятинъ земли съ милліонами закрѣпощеннаго населенія. Но стоитъ только прочесть, хотя бы у Зомбарта или у самого Маркса, страницы, посвященныя вопросу о происхожденіи современнаго капитализма, и вы увидите, что тѣми же путями — спекуляція, обманъ, прямое насиліе! — возникли, въ значительной части, и современные крупные капиталы. И потому, пока продолжаетъ существовать частная собственность на денежные капиталы, на фабрики, заводы и т. п., — до тѣхъ поръ было бы крайне несправедливо безвозмездно отнимать и частную земельную собственность. Вѣдь теперешніе землевладѣльцы — это *не тѣ* люди, которые когда-то насиліемъ и захватомъ присваивали себѣ народное достояніе, и лишь отчасти — ихъ отдаленные потомки. Очень значительная доля современнаго крупнаго и средняго землевладѣнія — это земли, *купленныя* ихъ нынѣшними собственниками и, можетъ быть, перемѣнившія уже не одного владѣльца; вѣдь однѣхъ только купчихъ крестьянскихъ земель

насчитывалось еще пять лѣтъ тому назадъ до 20 милліоновъ десятинъ... Отнять купчія земли безвозмездно — это все равно, что отнять деньги, затраченныя на покупку земли. А какое основаніе отнять деньги, разорить однихъ, пока собственность другихъ, помѣстившихъ свои деньги другими способами, остается неприкосновенною?... А затѣмъ — вѣдь землевладѣльцы, въ дѣйствительности, далеко не одни только заинтересованы въ своемъ землевладѣніи; громадное большинство владѣльческихъ земель, какъ извѣстно, заложено въ болѣе или менѣе значительной части своей стоимости, и фактическими собственниками, въ этой части, являются владѣльцы закладныхъ листовъ и другіе кредиторы. Можно ли — пока не измѣнились кореннымъ образомъ всѣ основы существующаго строя — безвозмездно отобрать заложенныя земли и этимъ способомъ отнять деньги у кредиторовъ?... нельзя, и тѣмъ болѣе нельзя, что такими кредиторами являются вѣдь далеко не одни только крупные капиталисты, но и огромное количество людей средняго достатка, помѣстившихъ въ закладные листы свои небольшія сбереженья; такими кредиторами являются, между прочимъ, и сберегательныя кассы, слѣдовательно — милліоны такого же трудового населенія... Я высказывалъ выше, что коренной землевладѣльческій классъ — помѣстное дворянство — несетъ на себѣ отвѣтственность за 1861 годъ и за послѣдующую „внутреннюю политику“. Но нѣтъ никакого основанія возлагать такую же отвѣтственность на владѣльцевъ купленныхъ земель и на ипотечныхъ кредиторовъ. Есть, правда, имѣнія, не благопріобрѣтенныя, а перешедшія по наслѣдству къ ихъ нынѣшнимъ владѣльцамъ и въ то же время незаложенныя; но вѣдь конфисковать земли *только* у нихъ — это значило бы наказать ихъ за то, что они исправно вели хозяйство, а потому не продали и не заложили землю. Это — съ точки зрѣнія справедливости. Но за безвозмездную конфискацію нельзя высказаться и съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Такая конфискація затронула бы массу интересовъ, въ томъ числѣ среди многочисленнаго класса крестьянъ, владѣющихъ купчею землею, среди мелкихъ и среднихъ собственниковъ другихъ сословій, среди владѣльцевъ закладныхъ листовъ, не говоря уже о классѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, съ вліяніемъ котораго придется считаться при всякихъ обстоятельствахъ; и сопротивленіе всѣхъ этихъ интересовъ, найдя себѣ отраженіе въ народномъ

представительствѣ, могло бы погубить всю земельную реформу. А съ другой стороны, едва ли можно основывать требованіе безвозмездной конфискаціи, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, на волѣ народа, на народномъ правосознаніи. Говорятъ, *народъ не хочетъ* платить за ту землю, которая поступитъ ему въ дополнительный надѣлъ. Но народъ, прежде всего, не высказывалъ своей воли по этому вопросу, — и если среди народа и существуетъ теченіе, стремящееся къ безвозмездной конфискаціи, то нѣтъ никакихъ данныхъ считать, чтобы *именно это* теченіе было, дѣйствительно, господствующимъ. Нечего уже и говорить о томъ, что къ этому теченію не присоединятся тѣ сотни тысячъ людей изъ среды этого самаго народа, которые имѣютъ купленную землю или закладные листы. Но и независимо отъ этого, нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы „народное правосознаніе“ — даже правосознаніе тѣхъ только слоевъ крестьянства (а это — конечно огромное большинство), которые мечтаютъ о дополнительномъ надѣлѣ, требовало непремѣнно *безвозмезднаго* надѣленія. Даже въ тѣхъ десяткахъ и сотняхъ крестьянскихъ приговоровъ и резолюцій, которыя въ прошломъ году проникали въ печать и которыя, въ большинствѣ случаевъ, носятъ ясные слѣды интеллигентскаго вліянія, наряду съ требованіями простого отобранія земли встрѣчаются и требованія выкупа. Мнѣ лично, въ силу моей недавней профессіональной дѣятельности, пришлось имѣть въ рукахъ, за послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ 1905 года, сотни и, можетъ быть, даже тысячи крестьянскихъ прошеній и приговоровъ; и изъ всего этого огромнаго числа случаевъ мнѣ встрѣтился только одинъ, когда крестьяне дѣйствительно требовали безвозмездной передачи имъ земли; во всѣхъ остальныхъ крестьяне требовали выкупа по справедливой оцѣнкѣ, по той цѣнѣ, по какой была куплена земля владѣльцемъ, по цѣнѣ назначенной правительствомъ, требовали просто пониженія цѣны, запрашиваемой владѣльцами и т. п., — но во всякомъ случаѣ не высказывали никакихъ претензій на отводъ имъ земли безплатно или на безплатное отобраніе ея у помѣщиковъ. И, несомнѣнно, безвозмездная передача земли крестьянамъ отнюдь не вытекала бы изъ требованій справедливости, — мало того: она бы прямо имъ противорѣчила. „При наличности, съ одной стороны — говоритъ М. И. Туганъ-Барановскій — качественнаго различія земельныхъ участковъ и, съ другой стороны, пользованія этими участками отдѣльными лицами, оплата

всему обществу дифференціальной ренты съ этихъ участковъ есть единственное средство избѣгнуть грубой несправедливости, неравенства въ распредѣленіи естественныхъ богатствъ страны между отдѣльными лицами. Если крестьянинъ ничего не будетъ платить обществу за землю, которую онъ получилъ отъ общества и которою онъ пользуется въ своихъ личныхъ интересахъ, то какое нравственное право будетъ онъ имѣть на владѣніе этою землею? Почему данный земельный участокъ долженъ находиться въ пользованіи именно этого крестьянина, а не всякаго другого, кто пожелалъ бы этимъ участкомъ завладѣть? Если бы земля раздавалась даромъ всѣмъ желающимъ, то никто не согласился бы довольствоваться худшими участками земли; поэтому, только введеніе платы за пользованіе землей можетъ сдѣлать распредѣленіе земли между отдѣльными лицами справедливымъ". Или говоря проще: право пользованія „общимъ достояніемъ народа", землею — это *такое же преимущество*, какъ и всякое другое, и нѣтъ никакого основанія предоставлять крестьянину пользоваться этимъ преимуществомъ даромъ, разъ другіе граждане, — а такихъ есть и будутъ милліоны! — *не* пользуются имъ; земля въ рукахъ крестьянина будетъ не только оплачивать его трудъ, но и давать ренту, въ однѣхъ мѣстностяхъ небольшую, въ другихъ, можетъ быть, очень высокую; нѣтъ, опять-таки, никакого основанія отдавать крестьянину эту ренту даромъ, разъ ни я, ни вы, читатель, ни, опять-таки, милліоны не-крестьянъ не пользуются и не будутъ пользоваться рентой. Возложеніе на крестьянъ обязанности платить за землю столько, сколько она даетъ ренты (а вѣдь это и есть „справедливая оцѣнка"!), будетъ, такимъ образомъ только дѣломъ справедливости, и по существу не можетъ противорѣчить „народному правосознанію". Если послѣднее до такой степени тяготилось выкупными платежами, то не потому, что это были платежи за землю, а потому, что это были *чрезмѣрные* платежи, превышавшіе дѣйствительную цѣнность и доходность земли...

И въ этомъ-то и весь вопросъ: если я стою за выкупъ владѣльческихъ земель, то само собою разумѣется, этотъ выкупъ долженъ быть по *справедливымъ* и выносимымъ для крестьянъ цѣнамъ. Не можетъ быть и рѣчи о выкупѣ по рыночной цѣнѣ. Современныя рыночныя цѣны — результатъ крестьянскаго земельнаго голода и земельной спекуляціи, и нѣтъ никакого по-

вода выплачивать землевладѣльцамъ эти преувеличенныя цѣны. Землевладѣльцевъ слѣдуетъ вознаградить по справедливой оцѣнкѣ, иначе сказать по цѣнамъ, соотвѣтствующимъ *дѣйствительной доходности* земли, при хозяйственной ея эксплуатаціи, нисколько не считаясь съ тѣми явно преувеличенными цѣнами, которыя острая земельная нужда заставляла платить крестьянъ, въ видѣ ли арендной платы или въ случаяхъ покупки земли. По формулировкѣ Туганъ-Барановскаго, землевладѣльцевъ надо вознаграждать по соображенію *не съ абсолютною* рентой, а съ *дифференціальною*, которая и можетъ быть переложена на тѣхъ землевладѣльцевъ-крестьянъ, которымъ достанется отчужденная земля.

VIII.

Гораздо сложнѣе и труднѣе вопросъ, до *какихъ предѣловъ* можетъ быть доведено принудительное отчужденіе. Слѣдуетъ ли этимъ путемъ уничтожить *все* частное землевладѣніе, за исключеніемъ мелкихъ владѣній, имѣющихъ, въ большей или меньшей степени, трудовой характеръ, или слѣдуетъ оставить также и извѣстную часть болѣе крупныхъ имѣній, гдѣ землевладѣніе имѣетъ рентный, а хозяйство—капиталическій характеръ? Очень многіе, притомъ далеко не изъ среды однѣхъ только такъ называемыхъ крайнихъ партій (назову въ видѣ примѣра хотя бы М. И. Туганъ-Барановскаго, А. А. Исаева или программу партіи демократическихъ реформъ!) настаиваютъ на необходимости перваго, самаго радикальнаго разрѣшенія этого вопроса. Какъ главный аргументъ въ пользу такого разрѣшенія выставляется тотъ общій принципъ, который одинаково присущъ и народному правосознанію, и сознанію нашей русской интеллигенціи, — принципъ, что земля — это „общее достояніе человѣческаго рода“, что земля Божья, что поэтому она никѣмъ не можетъ и не должна быть присваиваема въ частную собственность, а пользованіе ею должно быть предоставлено тому, кто ее обрабатываетъ собственнымъ трудомъ. Какъ ни прекрасенъ этотъ общій принципъ, — тѣмъ не менѣе, ссылки на него, не могутъ, по моему убѣжденію, рѣшить вопроса. Замѣчу прежде всего, что то народное правосознаніе, на которое принято ссылаться, и тѣсно связанный съ нимъ трудовой принципъ

землевладѣнія, не помѣшаютъ ни одному крестьянину, имѣющему лишній рубль денегъ и лишнюю десятину земли, прибѣгнуть къ наемному труду, не заставятъ ни одного крестьянина добровольно отдать малоземельному сосѣду собственную, унаслѣдованную или благопріобрѣтенную землю; они не мѣшаютъ нашимъ переселенцамъ, въ уссурійскомъ краѣ, держать арендаторовъ и испольщиковъ — китайцевъ и корейцевъ и выжимать изъ нихъ очень немилостивыя ренты. Но это, конечно, не существенно: прекрасный принципъ не становится менѣе прекраснымъ оттого, что не находитъ себѣ дѣйствительнаго воплощенія въ крестьянской жизни. *Въ принципѣ, въ идеалѣ*, этотъ принципъ вѣренъ и безспоренъ, и рано или поздно, конечно, онъ осуществится въ жизни. Но можетъ ли этотъ принципъ *теперь же, немедленно* быть положенъ въ основу разрѣшенія вопроса о предѣлахъ принудительнаго отчужденія владѣльческихъ земель?... Вѣдь не менѣе, или нѣтъ — еще болѣе прекрасенъ другой, болѣе общій принципъ: „работнику — орудія производства“, и этотъ принципъ — я въ этомъ тоже убѣжденъ — рано или поздно, черезъ 50, 100 или 500 лѣтъ, претворится въ дѣйствительность. Но однако изъ принципа: „работнику — орудія производства“ никто не дѣлаетъ того вывода, что слѣдуетъ теперь же уничтожить капиталистическое хозяйство и раздѣлить всѣ орудія производства между трудящимися. „Великіе общественные вопросы — говоритъ одинъ изъ лидеровъ современной русской соціалъ-демократіи, г. Рожковъ, нельзя рѣшать, выставляя идеалъ абсолютной, безусловной справедливости, имѣющій будто бы значеніе для всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Примѣняя такой отвлеченный идеалъ къ жизни, нерѣдко можно достигнуть результатовъ прямо противоположныхъ ожидаемымъ, вмѣсто пользы для народа легко можетъ получиться вредъ“... А въ такомъ случаѣ и ссылка на безусловно правильный — я настаиваю на этомъ — принципъ „земля — земледѣльцу“ недостаточна, чтобы немедленно ликвидировать все крупное и среднее, вообще все рентное землевладѣніе. При рѣшеніи такихъ вопросовъ надо считаться не только съ отвлеченною идеей *справедливости*, но и съ *цѣлесообразностью:* самая справедливая мѣра не принесетъ ничего кромѣ вреда, если она будетъ нецѣлесообразна и внесетъ разстройство въ хозяйственную жизнь страны. А между тѣмъ, „необходимо, чтобы аграрная реформа вызвала какъ меньше экономическихъ потрясеній,

не причинила народному хозяйству никакихъ убытковъ. Было бы несчастьемъ для страны, — говоритъ А. И. Чупровъ, если бы общая сумма земледѣльческаго производства сократилась, хотя и временно. Россіи предстоятъ теперь такія колоссальныя жертвы, между прочимъ и для рѣшенія аграрнаго вопроса, что ей нельзя мириться съ уменьшившимся производствомъ". При осуществленіи земельной реформы необходимо считаться съ тѣмъ, что частная земельная собственность есть не только продуктъ насилія и произвола, не только средство присвоенія землевладѣльцами продукта чужого труда. Какъ выразился когда-то одинъ изъ столповъ теоретическаго соціализма — Родбертусъ, частные землевладѣльцы, какъ и всѣ вообще обладатели средствъ производства, суть „уполномоченные гражданскаго общества, его агенты по части образованія и использованія національнаго фонда орудій производства"... Если ихъ услуги еще нужны обществу и странѣ, если, въ данное время и при данныхъ условіяхъ, нѣтъ возможности замѣнить ихъ какою-нибудь болѣе цѣлесообразною организаціей, напримѣръ, обобществленіемъ орудій производства, то они должны оставаться при исполненіи своихъ общественно-хозяйственныхъ обязанностей, иначе сказать — должны быть оставлены при владѣніи землею. Если, напротивъ, услуги частныхъ землевладѣльцевъ обществу больше не нужны, или если землевладѣльцы въ дѣйствительности и вовсе не исполняютъ тѣхъ общественно-хозяйственныхъ обязанностей, которыя являются оправданіемъ частному владѣнію землею, — въ особенности же если право собственности принимаетъ обнаженный видъ орудія закабаленія и эксплуатаціи, — то частное землевладѣніе теряетъ свое право на существованіе и подлежитъ немедленной экспропріаціи.

Стоя на этой точкѣ зрѣнія, не приходится ни на минуту останавливаться передъ принудительнымъ отчужденіемъ всякаго рода „клиньевъ", „западней", „мышеловокъ", которыя помѣщики предусмотрительно оставили за собой при выходѣ крестьянъ на волю, и при помощи которыхъ они держатъ населеніе въ кабалѣ, иногда горшей, чѣмъ былое крѣпостное право; во всѣхъ такого рода случаяхъ право собственности употребляется только во зло, и къ сохраненію его нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. Стоя на тойже точкѣ зрѣнія, слѣдуетъ высказаться за немедленное, безъ всякихъ ограниченій, отчужденіе всего такъ называемаго арендnаго фонда — всѣхъ тѣхъ земель, которыя

обычно сдаются владѣльцами въ аренду окрестному трудовому крестьянству,— все равно, будетъ ли это аренда денежная, или испольная, въ разнообразныхъ ея видахъ и разновидностяхъ; можетъ быть — и за отчужденіе земель, обрабатываемыхъ „кругами“ и вообще крестьянскимъ инвентаремъ. Землевладѣлецъ, который не хозяйствуетъ за собственный счетъ, а извлекаетъ изъ земли доходъ исключительно въ формѣ сдачи ея въ аренду, не несетъ фактически тѣхъ общественно-хозяйственныхъ обязанностей, выполненіе которыхъ является единственнымъ серьезнымъ оправданіемъ существованію крупнаго, нетрудового землевладѣнія; мало того — не обинуясь можно сказать, что эксплуатація земли путемъ краткосрочной крестьянской аренды есть худшій изъ всѣхъ мыслимыхъ способовъ ея эксплуатаціи, потому что при такой арендѣ ни землевладѣлецъ, ни арендаторъ не заботятся о поддержаніи производительности земли, а тѣмъ болѣе объ ея улучшеніи. Разъ землевладѣніе слагаетъ съ себя всякія производительныя функціи, и остается исключительно средствомъ присвоенія прибавочной стоимости, продуктовъ чужого труда — общество *вправѣ* и *должно* иначе распорядиться тѣмъ „кореннымъ достояніемъ человѣческаго рода“, которое въ рукахъ землевладѣльца оказалось исключительно источникомъ незаслуженнаго дохода.

Иначе ставится вопросъ о земляхъ, на которыхъ владѣльцы ведутъ хозяйство за собственный счетъ. Говорятъ, что вѣдь и здѣсь рента землевладѣльца въ такой же степени основывается на присвоеніи прибавочной стоимости, какъ и при сдачѣ земли въ аренду. Въ значительной степени это и справедливо, и общество не только имѣетъ право, но обязано бороться съ эксплуататорскими тенденціями землевладѣнія: путемъ прогрессивнаго земельнаго обложенія оно можетъ лишить землевладѣльца того незаслуженнаго прироста цѣнности, который является слѣдствіемъ нормальнаго роста ренты; путемъ распространенія на сельскохозяйственный наемъ рабочаго законодательства и инспекціи и путемъ организаціи рабочаго класса оно должно и будетъ бороться съ непосредственною эксплуатаціею землевладѣльцами занятыхъ въ ихъ хозяйствахъ рабочихъ. Но вѣдь всякаго рода кабальныя отношенія отнюдь не представляютъ собою исключительной особенности именно *крупнаго* землевладѣнія — кабала, во всѣхъ ея видахъ, не въ меньшей степени процвѣтаетъ и во взаимныхъ отношеніяхъ

между крестьянами. А съ другой стороны, землевладѣніе въ данномъ отношеніи не отличается существенно отъ собственности на другіе виды орудій производства, — и пока фактъ несомнѣнной эксплуатаціи трудового населенія собственниками другихъ орудій производства не даетъ основанія требовать немедленнаго уничтоженія частной собственности на движимый капиталъ, — до тѣхъ поръ аналогичные факты не могутъ обосновать и требованія немедленнаго уничтоженія всего рентнаго, крупнаго и средняго землевладѣнія. „Уничтоженіе абсолютной ренты — справедливо замѣчаетъ тотъ-же г. Рожковъ, при данныхъ экономическихъ условіяхъ полезно лишь тогда, когда землевладѣлецъ самъ не ведетъ хозяйства, является паразитомъ, получающимъ именно одну эту ренту, когда онъ сдаетъ въ аренду, по англійскому выраженію, „землю, а не фермы“, т.-е. не сдаетъ вмѣстѣ съ землею инвентарь и постройки, не вводитъ, пользуясь арендными отношеніями, улучшеній въ хозяйство; очевидно, что въ такомъ случаѣ мы имѣли бы (и имѣемъ! *А. К.*) типичное отработочное (кабальное) хозяйство“, которое не только „не является залогомъ дальнѣйшаго хозяйственнаго прогресса“, но „напротивъ — задерживаетъ этотъ прогрессъ“.

Сторонники такъ называемой „полной ликвидаціи“ всего землевладѣнія, превышающаго трудовой размѣръ, не признаютъ за частнымъ, рентнымъ землевладѣніемъ *никакого* положительнаго значенія въ общей экономіи страны и видятъ въ немъ исключительно орудіе закабаленія и эксплуатаціи. Мало того: „молодые народники“, устами г-на Новоторжскаго, провозглашаютъ, что „уничтоженіе всего частнаго землевладѣнія — это требованіе культурнаго прогресса“; что существованіе рядомъ помѣщичьяго и крестьянскаго землевладѣнія „дѣлаетъ почти невозможнымъ какое-либо серьезное и быстрое ихъ улучшеніе“. Въ этомъ, несомнѣнно, глубочайшее недоразумѣніе, невыгодно отличающее нашихъ представителей „молодого народничества“ хотя бы отъ нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ и даже отъ теоретиковъ нашей русской соціалъ-демократіи (назову хоть Н. И. Маслова). Соціалъ-демократы питаютъ не меньшую ненависть ко всякой кабалѣ и эксплуатаціи, носителями которой являются частный капиталъ и частное землевладѣніе и классъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ. Но они не только не рѣшаются утверждать, чтобы уничтоженіе капитализма было „требованіемъ культурнаго прогресса“; напротивъ — они самымъ рѣшитель-

нымъ образомъ возстаютъ противъ всякихъ попытокъ разрѣшить соціальный вопросъ путемъ искусственнаго сохраненія, а тѣмъ болѣе путемъ возстановленія отжившихъ свой вѣкъ, мелкихъ формъ обрабатывающей промышленности. Наши „молодые народники“ не видятъ въ крупномъ землевладѣніи ничего, кромѣ кабалы и эксплуатаціи, и увлекаясь идеею немедленнаго осуществленія идеи соціальной справедливости, они не только игнорируютъ производственную точку зрѣнія, но даже, какъ я упоминалъ, рѣшаются утверждать, что уничтоженіе крупнаго землевладѣнія — это „требованіе культурнаго прогресса“. Между тѣмъ, можно и слѣдуетъ осуждать всякое крупное землевладѣніе съ точки зрѣнія началъ соціальной справедливости; можно и слѣдуетъ осуждать *наше* крупное землевладѣніе за ту реакціонную роль которую оно играло въ пореформенный періодъ (хотя при этомъ не слѣдуетъ забывать и о томъ почетномъ мѣстѣ, которое принадлежитъ извѣстнымъ слоямъ нашего землевладѣльческаго класса въ исторіи русскаго освободительнаго движенія), и говорить о томъ, что нашъ владѣльческій классъ до сихъ поръ проявилъ очень мало хозяйственныхъ дарованій; наконецъ, можно и слѣдуетъ утверждать, что совокупность условій пореформеннаго періода слишкомъ благопріятствовала у насъ развитію кабальныхъ элементовъ, и что въ свою очередь, широкая возможность взимать съ крестьянъ-сосѣдей „голодныя аренды“ и пользоваться дешевымъ трудомъ закабаленныхъ рабочихъ изъ тѣхъ же сосѣдей-крестьянъ освобождала землевладѣльцевъ отъ всякой необходимости заботиться о дѣйствительномъ улучшеніи своей земли и своего хозяйства. *Можно* и *должно* утверждать все это. Это все утверждаю и я; я настаиваю на томъ, что русскій землевладѣльческій классъ самъ сдѣлалъ все отъ него зависѣвшее, чтобы обострить аграрный вопросъ и поставить его такъ „радикально“, какъ онъ пока не стоитъ нигдѣ въ Европѣ. И всетаки, утверждать, что уничтоженіе всякаго крупнаго землевладѣнія есть „требованіе культурнаго прогресса“,— это можно либо по недоразумѣнію, либо по нежеланію разумѣть. Собственно у насъ, въ Россіи, вопросъ о взаимодѣйствіи крупнаго владѣльческаго и мелкаго крестьянскаго хозяйства принадлежитъ къ числу наименѣе разработанныхъ вопросовъ нашей сельскохозяйственной экономіи. Исключеніе составляетъ такъ подробно и любовно изученная у насъ область всякаго рода кабальныхъ отношеній. Но вѣдь кабала —

это не синонимъ крупнаго землевладѣнія: кабала, въ не менѣе рѣзкихъ формахъ, существуетъ и внутри деревни — и она *не можетъ* не существовать, потому что нашъ крестьянинъ, подъ вліяніемъ всей совокупности гнетущихъ его культурныхъ, политическихъ, финансовыхъ, хозяйственныхъ и всякихъ иныхъ условій, уподобился тому Щедринскому, кажется, пискарю, котораго для того и создалъ Богъ, чтобы кормить собою щуку; извѣстную пословицу — „на то щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ“ у насъ приходится повернуть: „на то карась въ водѣ, чтобы не зѣвали щуки“ — кулаки и эксплоататоры всѣхъ категорій... А вопросъ о культурномъ и хозяйственномъ значеніи крупнаго землевладѣнія — *этотъ* вопросъ мы разрѣшаемъ каждый по своему, не столько на основаніи фактовъ, сколько по чувству и настроенію; не столько отъ ума, сколько отъ сердца и, пожалуй, отъ мамоны... Правовѣрный аграрій будетъ съ пѣною у рта доказывать, что безъ помѣщика, безъ его „священнаго права собственности“, пропадетъ и мужикъ, и вся русская культура; „молодой народникъ“ съ еще большимъ жаромъ будетъ утверждать, что частное землевладѣніе приноситъ одинъ вредъ, и что уничтоженіе его есть „требованіе культурнаго прогресса“. Но ни тотъ, ни другой, не сможетъ обосновать своихъ сужденій на сколько-нибудь объективномъ и достаточно обильномъ фактическомъ матеріалѣ: у каждаго найдутся, кромѣ общихъ разсужденій, развѣ только отдѣльные примѣры, рѣзко подтверждающіе справедливость его положеній. Обильнымъ и достаточно объективнымъ матеріаломъ не располагаю и я, — и именно потому я и говорю: господа, не спѣшите съ „радикальнымъ рѣшеніемъ аграрнаго вопроса; не горячитесь, не увлекайтесь отвлеченными принципами, чтобы — какъ гласитъ нѣмецкая поговорка — вмѣстѣ съ водою не выплеснуть ребенка изъ ванны, чтобы, вмѣсто такъ страстно желаемаго вами блага, не нанести странѣ и самому трудящемуся народу непоправимаго вреда! Вѣдь не можетъ же быть, чтобы у насъ, въ Россіи, вопросъ о хозяйственномъ значеніи крупнаго землевладѣнія стоялъ обратно тому, какъ онъ стоитъ на Западѣ — чтобы у насъ было чернымъ, что у французовъ или нѣмцевъ бѣло! А между тѣмъ, какъ стоитъ въ экономической наукѣ (въ томъ числѣ и въ русской) и въ западно-европейской публицистикѣ вопросъ о крупномъ и мелкомъ землевладѣніи? Одни, въ особенности правовѣрные марксисты, въ родѣ Каутскаго, отрицаютъ

за мелкимъ землевладѣніемъ и хозяйствомъ всякое право на существованіе, признаютъ его обреченнымъ на гибель и приговариваютъ: „туда ему и дорога“. Другіе доказываютъ жизненность мелкаго землевладѣнія, его способность выдерживать конкуренцію крупнаго; извѣстнымъ техническимъ и экономическимъ преимуществамъ всякаго крупнаго производства, обнаруживающимся и въ области сельскаго хозяйства, хотя и въ далеко меньшей мѣрѣ, чѣмъ въ обрабатывающей промышленности, они противопоставляютъ бо̀льшую интенсивность „хозяйскаго“ труда въ крестьянскомъ хозяйствѣ, способность послѣдняго выдерживать кризисы и вообще низкія цѣны, ограниченность потребностей крестьянина, позволяющую ему довольствоваться меньшею доходностью; они доказываютъ — и совершенно справедливо, что мелкое хозяйство не неспособно усваивать необходимыя агрикультурныя улучшенія; что, въ частности, разница между крупнымъ и мелкимъ хозяйствомъ постепенно сглаживается, къ выгодѣ второго, по мѣрѣ повышенія общей культурности населенія, и что экономическія преимущества крупнаго землевладѣнія могутъ быть уравновѣшены развитіемъ принципа ассоціаціи. Но едва-ли кому-нибудь приходило въ голову доказывать, что крупное землевладѣніе ни на что не нужно, и что уничтоженіе его есть „требованіе культурнаго прогресса“... Между тѣмъ, конечно, можно быть увѣреннымъ въ томъ, что повышеніе культурности населенія будетъ происходить и у насъ, и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ увеличиваться производительность крестьянскаго хозяйства и воспріимчивость его къ агрикультурнымъ улучшеніямъ; можно быть увѣреннымъ и въ томъ, что всякаго рода артели, товарищества и иныя союзныя организаціи, а рано или поздно, можно надѣяться, и полная соціализація производства, и во многомъ другомъ поднимутъ фонды нашего крестьянскаго хозяйства. Но когда это все будетъ!... а для *настоящаго* времени пѣсенка нашего крупнаго землевладѣнія и предпринимательскаго хозяйства далеко еще не спѣта, и съ производственной точки зрѣнія наше крестьянское хозяйство не выдерживаетъ никакого сравненія съ крупнымъ, владѣльческимъ. „Стоитъ только, — пишетъ А. Еропкинъ, тоже не аграрій и не сторонникъ аграрныхъ вожделѣній — хоть разъ поверхностно взглянуть на владѣльческія и на надѣльныя поля, чтобы отбросить на этотъ счетъ всякія сомнѣнія, всякія иллюзіи“... Слишкомъ хорошо извѣстно, что владѣльческія земли даютъ гораздо бо̀ль-

шіе урожаи, чѣмъ крестьянскія. Въ общихъ статистическихъ цифрахъ разница не слишкомъ велика — кругомъ всего четверть или полторы на десятину, — но вѣдь въ общія цифры входятъ и арендныя земли, обработка которыхъ, въ видѣ правила, еще хуже, чѣмъ надѣльныхъ; если же взять одни только тѣ имѣнія, гдѣ хозяйство ведется за счетъ владѣльцевъ, то окажется, что урожайность ихъ превышаетъ урожайность крестьянскихъ земель, по меньшей мѣрѣ, въ полтора раза, въ хорошихъ хозяйствахъ — въ два и болѣе разъ. И какова бы ни была аграрная реформа — эта разница останется еще надолго, потому что никакое дополнительное надѣленіе, никакой кредитъ, никакая народная школа и общественная агрономія не дадутъ крестьянамъ, сразу, ни тѣхъ знаній, ни тѣхъ средствъ, которыя являются основнымъ источникомъ преимуществъ владѣльческаго хозяйства. А вѣдь вопросъ далеко не въ одномъ только количествѣ продукта, но также и въ его качествѣ: сравните только качество зерна изъ владѣльческихъ экономій съ качествомъ крестьянскаго зерна, сравните владѣльческій скотъ съ деревенскими коровами-тасканками, — и разница станетъ ясна сама собою. Я прекрасно — не хуже всякаго другого — знаю всѣ тѣ условія, вліяніе которыхъ приводится въ объясненіе этой разницы между крестьянскимъ и владѣльческимъ хозяйствомъ и въ оправданіе крестьянскаго хозяйства. Но я вѣдь и не обвиняю его!... я прекрасно знаю, что при данной совокупности условій оно *и не могло* быть инымъ, нежели оно есть. Я только констатирую фактъ и утверждаю, что переходъ къ крестьянамъ извѣстной части земель, обрабатываемыхъ за счетъ владѣльцевъ, надолго понизитъ ихъ производительность. И это важно не только съ той точки зрѣнія „народнаго богатства“, на которой стояли сто лѣтъ тому назадъ буржуазные экономисты (но на которой стоятъ — замѣтьте — и теоретики современной соціалъ-демократіи, признающіе, что лишь на почвѣ развитія производительныхъ силъ возможно ожидать улучшенія положенія трудящихся массъ!); это важно не только съ точки зрѣнія интересовъ нашего городского населенія, въ томъ числѣ и рабочихъ классовъ, которые вѣдь являются потребителями сельскохозяйственныхъ продуктовъ, слѣдовательно заинтересованы въ ихъ обиліи и дешевизнѣ; не только съ точки зрѣнія поддержанія нашего экспорта и нашего торговаго баланса — хотя и это все вопросы, которыми тоже не слѣдуетъ пренебрегать. Это важно даже и съ точки зрѣнія интересовъ самого трудового

крестьянства, которое вѣдь въ то-же время является и, несмотря ни на какую аграрную реформу, надолго останется, вмѣстѣ съ тѣмъ, классомъ сельскихъ рабочихъ. Между тѣмъ, имѣнія, гдѣ ведется интенсивное хозяйство, „выплачиваютъ“ окружающему крестьянству въ формѣ разныхъ заработковъ большую сумму, нежели какую крестьянинъ самъ могъ бы получить при обращеніи земли въ его пользованіе. Передавъ въ раздѣлъ культурныя имѣнія — говоритъ поэтому проф. А. И. Чупровъ, аграрная реформа сократила бы естественный каналъ для отлива излишнихъ рабочихъ силъ, отняла бы у крестьянъ лучшій способъ приложенія силъ, которыя постоянно, а что еще важнѣе — временно, въ извѣстную часть года, не находятъ себѣ достаточнаго приложенія въ собственномъ хозяйствѣ“.

Помилуйте — воскликнетъ, пожалуй, читатель: вы, значитъ, вмѣстѣ съ пофессоромъ Чупровымъ, противъ трудового земледѣлія, вы за эксплуатацію капиталомъ и землевладѣніемъ сельскаго пролетаріата!... Нѣтъ, читатель, я только *за благосостояніе крестьянъ*, которое мнѣ — даю вамъ слово — не менѣе дорого, чѣмъ вамъ. Вѣдь не въ томъ дѣло, чтобы у крестьянина была *своя* земля, чтобы онъ голодалъ, непремѣнно, на собственной или обобщественной землѣ, а въ томъ, чтобы крестьянинъ *не* голодалъ, чтобы ему жилось лучше, нежели теперь, хотя бы ради достиженія этой цѣли пришлось отказаться отъ немедленнаго осуществленія красивыхъ общихъ формулъ. Вѣдь вы не откажете соціалъ-демократамъ (даже если вы не соціалъ-демократъ и вообще не соціалистъ!) въ послѣдовательности защиты интересовъ трудящагося населенія; а вѣдь они поднимаютъ на-смѣхъ тѣхъ, кто мечтаетъ поддержать „трудовое“ кустарное производство противъ закабаляющаго капитализма; и они правы, потому что „самостоятельность“ кустаря, при современныхъ условіяхъ, — это жалкое, полуголодное прозябаніе при 16-часовомъ трудѣ....

По точнымъ подсчетамъ, десятина *всей* земли въ свеклосахарномъ имѣніи юго-западнаго края даетъ сосѣднему населенію денежныхъ заработковъ не менѣе 30 рублей, не считая права пользованія выпасомъ въ имѣніи, свекольною ботвою, жомомъ и патокой; а когда еще, читатель, крестьянинъ получитъ съ десятины кругомъ 30 рублей всего валового дохода, если земля попадетъ къ нему въ надѣлъ?... Конечно, имѣнія со свеклосахарными заводами и иными техническими производствами,

вообще имѣнія съ интенсивною культурой — у насъ далеко не общее правило. Но я и не обобщаю этого примѣра!... Я хотѣлъ бы только, чтобы и само крестьянство, и въ особенности интеллигенція не увлекались общими шаблонами, какъ бы красивы они ни были, а взвѣшивали въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ: *что*, въ дѣйствительности, *выгоднѣе* для крестьянъ — получить землю въ надѣлъ и лишиться заработковъ, или остаться пока при заработкахъ и безъ дополнительнаго надѣла. А потомъ — факты въ родѣ приведеннаго мною далеко не такое рѣдкое исключеніе: не даромъ покупка владѣльческой земли сосѣдними крестьянами нерѣдко даетъ послѣдній толчокъ для выселенія другихъ сосѣдей, такихъ же крестьянъ, лишившихся заработковъ въ распроданномъ имѣніи; не даромъ — мнѣ точно извѣстны такіе случаи — крестьяне-сосѣди мѣстами защищали интенсивно обработанныя имѣнія отъ погромщиковъ — защищали именно потому, что *имъ было выгодно* уберечь хозяйство въ экономіи. Вѣдь добро бы можно было дать дополнительный надѣлъ рѣшительно всѣмъ крестьянамъ, притомъ дать его въ мѣру рабочихъ и потребительныхъ нормъ, разсчитанныхъ на современное крестьянское хозяйство и на существующую, крайне низкую производительность крестьянскихъ земель. Но *это* физически неосуществимо; какъ бы широко ни было проведено дополнительное надѣленіе, оно не дастъ нашему крестьянству — пока не измѣнится крестьянское хозяйство — возможности использовать весь свой трудъ на надѣльной землѣ и покрыть за ея счетъ всѣ свои потребности — не устранитъ, значитъ, вопроса о заработкахъ и о значеніи, въ этомъ смыслѣ, частнаго землевладѣнія. И еще одно: теперь, дѣйствительно, заработки слишкомъ часто вырождаются въ кабалу; но когда земельная реформа устранитъ острое малоземелье, когда въ области сельскохозяйственнаго найма будетъ введено рабочее законодательство, когда сами владѣльцы, подъ вліяніемъ отчасти предстоящей земельной реформы, пойдутъ по пути интенсификаціи хозяйства и будутъ нуждаться для этого въ хорошихъ, значитъ хорошо оплаченныхъ рабочихъ,— тогда вопросъ о заработкахъ пріобрѣтетъ, несомнѣнно еще, гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ теперь.

Не менѣе важно — думается мнѣ — культурно-хозяйственное значеніе частнаго землевладѣнія. Крестьянинъ — какъ ни надѣляй его землей — не можетъ оставаться при старыхъ, допотопныхъ

способахъ хозяйства. Ему необходимо перейти къ болѣе совершеннымъ способамъ культуры и повысить производительность надѣльныхъ земель. А между тѣмъ, крестьянинъ не можетъ обойтись при этомъ безъ помощи извнѣ; въ частности онъ, въ ближайшемъ будущемъ, едва-ли можетъ обойтись безъ помощи владѣльческаго хозяйства. „Какъ бы ни была велика — говоритъ проф. В. Г. Бажаевъ, одинъ изъ творцовъ русской общественной агрономіи, — принудительная сила необходимости, — ея одной, *при низкомъ уровнѣ развитія крестьянской массы* (курсивъ мой! *А. К.*) и при отсутствіи сельскохозяйственныхъ знаній, было бы далеко недостаточно для перехода къ болѣе цѣлесообразнымъ формамъ полеводства, или по крайней мѣрѣ крестьянскому хозяйству пришлось бы, въ этомъ случаѣ, пройти чрезвычайно длинный и утомительный путь развитія. Поэтому необходимо нужны внѣшніе толчки и всякаго рода побужденія, чтобы крестьянское хозяйство поскорѣе попало въ ту колею, которая намѣчалась всѣмъ предшествующимъ ходомъ его развитія“. Эти толчки и побужденія могутъ исходить либо отъ владѣльческаго хозяйства, либо, само собою разумѣется, отъ общественной агрономіи. Я не только не думаю отрицать или умалять значенія общественной агрономіи — напротивъ, я вижу въ широкой и правильной ея организаціи одну изъ насущнѣйшихъ задачъ нашего времени и одно изъ существенныхъ условій благополучнаго разрѣшенія аграрнаго кризиса. Но чтобы общественная агрономія заняла подобающее ей мѣсто въ народной жизни и устранила необходимость во владѣльческомъ хозяйствѣ, какъ проводникѣ улучшенной культуры, — нужно прежде всего, чтобы существующіе скромные ея зачатки развились въ стройную и законченную систему. Вѣдь пока, въ самомъ дѣлѣ, наша общественная агрономія не вышла изъ зародышеваго состоянія; ее, въ сущности, надо еще создать, а создать ее не такъ-то легко, хотя бы уже потому, что у насъ слишкомъ мало спеціальныхъ учебныхъ заведеній; и только когда она будетъ создана, придетъ время уничтожить тѣ культурные центры, какими теперь, худо ли, хорошо ли, являются владѣльческія хозяйства. Но главное — надо, чтобы крестьяне *привыкли учиться* у общественной агрономіи, чтобы они перестали смотрѣть на нее какъ на барскую затѣю, которую, пожалуй, лучше всего просто упразднить, экономіи ради; а для этого требуется гораздо болѣе

высокое, чѣмъ теперь, умственное развитіе народныхъ массъ. Пока этого нѣтъ, крестьянинъ, все-таки, лучше всего будетъ учиться на живомъ примѣрѣ, который ему даетъ владѣльческое хозяйство...

Какъ разъ въ то время, когда я писалъ эту книжку, появилась статья А. И. Чупрова, вызванная арестомъ извѣстнаго дѣятеля общественной агрономіи, А. А. Зубрилина. „Сорокапятилѣтній опытъ послѣ крестьянской реформы — между прочимъ, писалъ въ этой статьѣ А. И. Чупровъ, съ наглядностью показалъ, что возлагавшіяся нѣкогда надежды на культуртрегерскую миссію помѣщиковъ по отношенію къ крестьянству лопнули, какъ мыльный пузырь. Не эти владѣльцы латифундій познакомятъ нашу деревню съ великимъ искусствомъ добывать два колоса тамъ, гдѣ прежде росъ одинъ, — а скромные труженики и труженицы“ на нивѣ народнаго образованія и общественной агрономіи....

Мнѣ думается, мало этого — извѣстные мнѣ факты (а я за послѣднее время перебралъ сотни томовъ казенной и земской сельскохозяйственной статистики!) приводятъ меня къ твердому убѣжденію, что это не совсѣмъ такъ. Крестьяне за сорокъ пять лѣтъ, дѣйствительно, мало чему выучились у помѣщиковъ; но многому ли они выучились пока и у общественной агрономіи?... Застой крестьянскаго хозяйства обусловливался всею тою обстановкой, въ которую оно было поставлено въ теченіе протекшихъ 45 лѣтъ, всею крестьянскою психологіей — этою пережившею самое себя психологіей колонизаціоннаго періода нашей исторіи, а потому выучить крестьянина „добывать два колоса, гдѣ прежде росъ одинъ“, были одинаково безсильны: и примѣръ владѣльческаго хозяйства, и воздѣйствіе общественной агрономіи. Въ ближайшемъ будущемъ крестьянинъ *неизбѣжно* долженъ выучиться этому искусству — и для ближайшаго будущаго (а это ближайшее будущее, конечно, измѣряется десятками лѣтъ!) на это можно надѣяться лишь при взаимодѣйствіи, съ одной стороны, общественной агрономіи, а съ другой — частной иниціативы, воплощаемой владѣльческимъ хозяйствомъ. Тѣ скудныя данныя, какія имѣются въ статистической литературѣ, свидѣтельствуютъ, во всякомъ случаѣ, о громадномъ опытѣ, накопленномъ владѣльческими хозяйствами въ дѣлѣ выработки улучшенныхъ сѣвооборотовъ, о несомнѣнныхъ заслугахъ владѣльческаго хозяйства въ области улучшенія породъ скота и посѣвныхъ сѣмянъ, введенія новыхъ культуръ,

искусственныхъ удобреній и т. п.; эти данныя свидѣтельствуютъ и о томъ, что опытъ владѣльческихъ хозяйствъ, хотя и крайне медленно, но все-таки уже и сейчасъ просачивается въ крестьянскую среду, — и этимъ опытомъ, несомнѣнно, должна будетъ воспользоваться и общественная агрономія. Что существованіе владѣльческаго хозяйства значительно облегчаетъ послѣдней ея задачу — это лучше всего доказываетъ сама исторія нашей общественной агрономіи. Почему земская агрономія достигла такихъ блестящихъ результатовъ въ московско-тверскомъ клеверномъ районѣ? Потому что она опиралась здѣсь на опытъ и примѣръ владѣльческихъ хозяйствъ: „безъ наглядnаго примѣра травосѣянія на владѣльческой землѣ — говоритъ В. Г. Бажаевъ, авторитетность котораго въ данномъ вопросѣ едва ли кто-нибудь рѣшится оспаривать — крестьяне едва ли рѣшились бы скоро на введеніе травосѣянія у себя на поляхъ“... Почему дѣятельность земской агрономіи въ вятско-пермскомъ районѣ осталась почти безрезультатной? Потому — говоритъ тотъ же Бажаевъ,— „что въ этихъ губерніяхъ, бѣдныхъ владѣльческими хозяйствами, не накоплено было никакого мѣстнаго опыта въ дѣлѣ травосѣянія“... Значитъ, частновладѣльческое хозяйство, по свидѣтельству одного изъ авторитетнѣйшихъ представителей общественной агрономіи, и накопляетъ опытъ, который даетъ твердую почву для трудовъ общественной агрономіи, и наглядnымъ примѣромъ поддерживаетъ ея усилія... И тотъ же самый А. И Чупровъ, который такъ рѣшительно возстаетъ противъ преувеличенія, въ данномъ случаѣ, роли частнаго землевладѣнія и владѣльческаго хозяйства, свидѣтельствуетъ о томъ, что „у насъ есть, хотя и въ небольшомъ числѣ, имѣнія, которыя служатъ образцами высокой земледѣльческой культуры, болѣе совершенныхъ пріемовъ сельскохозяйственной техники. Такъ какъ въ будущемъ — говоритъ А. И. Чупровъ — значеніе новыхъ пріемовъ будетъ еще важнѣе для крестьянства, нежели въ настоящемъ, то уничтоженіе подобныхъ хозяйствъ было бы ошибкой“...

Говорятъ: да развѣ крестьянинъ можетъ что-нибудь перенять у Стебута или у Шатилова? Развѣ ему подъ силу шестиконные плуги и тысячныя молотилки образцовыхъ имѣній? Господа, говорящіе такъ!... Закройте скорѣе университеты и сельскохозяйственные институты, потому что вѣдь и въ нихъ крестьянинъ ничему не можетъ выучиться и изъ нихъ ничего не

можетъ перенять... И подобно тому, какъ высшее знаніе, которое распространяется университетомъ, какъ научный опытъ, который вырабатывается учеными агрономами и химиками на опытныхъ станціяхъ, черезъ тысячи невидимыхъ каналовъ просачиваются въ народныя массы, такъ точно хозяйства Шатилова и Стебута окажутъ вліяніе и на крестьянское хозяйство. Но, конечно, и это вліяніе не будетъ непосредственнымъ. Какъ опытныя станціи передаютъ результаты своихъ изслѣдованій опытнымъ полямъ, а результаты работы этихъ полей черезъ показательные поля и участки проникаютъ въ крестьянскую массу, такъ точно опытъ Шатилова и Стебута будетъ усвоенъ прежде всего другими, менѣе „образцовыми“ и совсѣмъ не образцовыми крупными и средними владѣльческими хозяйствами, будетъ переработанъ здѣсь въ болѣе простыя и общедоступныя формы, и уже черезъ посредство такихъ хозяйствъ и при содѣйствіи общественной агрономіи будетъ усваиваться крестьянскими массами.

Въ виду всей этой совокупности обстоятельствъ, я, вмѣстѣ съ Ю. А. Новосильцевымъ, „считаю недопустимою — по крайней мѣрѣ для настоящаго времени — мысль о полной экспропріаціи частновладѣльческой земли въ полномъ ея объемѣ, оставаясь всецѣло на почвѣ цѣлесообразности въ отношеніи какъ политическомъ и соціальномъ, такъ и экономическомъ: въ политическомъ отношеніи — не раздражая хотя бы сравнительно и небольшую, но сильную своимъ удѣльнымъ вѣсомъ часть населенія; въ соціальномъ отношеніи — не отрывая отъ земли болѣе культурный въ общемъ элементъ, необходимый для созидательной мѣстной работы; и, наконецъ, въ экономическомъ отношеніи не уничтожая плоды долголѣтней, можетъ быть, и усидчивой работы, посвященной увеличенію производительныхъ силъ на поприщѣ сельскаго хозяйства и сельскохозяйственной промышленности, т.-е. элементовъ, имѣющихъ вполнѣ реальное значеніе въ составѣ народнаго богатства Россіи“, — и не только народнаго *богатства*, но и народнаго *благосостоянія*. Вмѣстѣ съ А. И. Чупровымъ, я признаю необходимою какъ съ точки зрѣнія соціальной справедливости, такъ даже съ точки зрѣнія поднятія продуктивности нашего земледѣлія, такую аграрную реформу, „которая перевела бы въ руки трудового крестьянства истощаемыя краткосрочною арендой или лежащія подъ жалкими сѣнокосами, выгонами и зарослями обширныя пространства нашихъ частновладѣльческихъ латифундій“. Но я считаю необходимымъ крайне осторожно отнестись ко

всѣмъ тѣмъ частновладѣльческимъ имѣніямъ, гдѣ хозяйство ведется за собственный счетъ владѣльцевъ. Я не считаю возможнымъ ограничиться сохраненіемъ немногихъ, разбросанныхъ по огромной странѣ, „образцовыхъ“ имѣній. Наряду съ ними необходимо сохранить, во всякомъ случаѣ, и всѣ такія имѣнія — преимущественно съ интенсивною культурой и техническими производствами, которыя сейчасъ даютъ трудовому населенію больше дохода, чѣмъ дали бы ему въ видѣ дополнительнаго надѣла. Вмѣстѣ, опять-таки, съ А. И. Чупровымъ, я считаю „водвореніе на мѣстѣ подобныхъ имѣній заурядной крестьянской культуры прямой потерей какъ со спеціально крестьянской, такъ и съ общенародной точки зрѣнія“. Я считалъ бы вполнѣ допустимою и желательною передачу такихъ хозяйствъ, непосредственно, въ руки государства или самоуправляющихся союзовъ, иначе сказать полную соціализацію производства, если бы могъ думать, что для этого уже настало время. Но вѣдь самыя крайнія изъ „крайнихъ“, даже представители „молодого народничества“ не надѣются на то, чтобы соціализація могла сейчасъ осуществиться. А простая передача имѣній съ интенсивнымъ хозяйствомъ въ руки крестьянъ, простая „прирѣзка“ ихъ къ крестьянскимъ надѣламъ была бы не только ошибкой, но просто преступленіемъ, потому что тотъ вредъ, который и страна, и сами крестьяне потерпятъ отъ уничтоженія подобнаго рода хозяйствъ, будетъ во много разъ больше той непосредственной пользы, которую принесетъ смежнымъ крестьянамъ расширеніе площади ихъ землевладѣнія. Но и независимо отъ этого, необходимо сохраненіе и такихъ имѣній, которыя по техникѣ сельскаго хозяйства стоятъ не на слишкомъ много выше крестьянскихъ земель, потому что только черезъ посредство такихъ имѣній, притомъ достаточно многочисленныхъ, находящихся въ районѣ непосредственнаго наблюденія и воспріятія крестьянъ, будетъ передаваться послѣднимъ, въ переработанномъ видѣ, опытъ образцовыхъ имѣній. Гдѣ, сколько и какихъ сохранить частновладѣльческихъ земель — рѣшить эти вопросы дѣло будущаго законодателя, а не задача настоящей книжки, имѣющей цѣлью освѣтить лишь общіе принципы аграрной реформы. Несомнѣнно только одно: что никакія, ни культурныя, ни хозяйственныя соображенія не требуютъ сохраненія латифундій, — что напротивъ сокращеніе площади нынѣшнихъ огромныхъ владѣній, сосредоточивающихся въ рукахъ ничтожнаго меньшинства землевладѣльческаго класса,

было бы въ интересахъ даже самой сельскохозяйственной культуры, ибо побудило бы владѣльцевъ къ болѣе интенсивному веденію хозяйства и къ бо̀льшимъ, по расчету на единицу пространства, затратамъ капитала. Для каждой мѣстности, поэтому, долженъ быть установленъ предѣльный высшій размѣръ частнаго владѣнія, — размѣръ, достаточный для того, чтобы чистый доходъ съ имѣнія могъ оплатить трудъ интеллигентнаго хозяина. Все лежащее дальше этого предѣла должно подлежать отчужденію наравнѣ съ землями, пустующими или сдаваемыми въ аренду, и исключеніе изъ этого правила слѣдовало бы допускать лишь по отношенію къ имѣніямъ съ особенно интенсивною культурою или съ дѣйствительно образцовымъ хозяйствомъ, въ особенности же — къ имѣніямъ съ техническими производствами, вообще лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ безспорно доказана необходимость, въ интересахъ ли мѣстнаго населенія или въ иныхъ, государственныхъ и общеполезныхъ видахъ, сохраненія болѣе крупныхъ хозяйственныхъ единицъ.

IX.

Мы можемъ теперь произвести приблизительный подсчетъ тѣмъ земельнымъ запасамъ, изъ которыхъ можетъ, въ томъ или иномъ объемѣ, послѣдовать дополнительное надѣленіе или, выражаясь шире, — которые могутъ быть использованы для расширенія крестьянскаго землевладѣнія; впрочемъ, какъ читатель могъ видѣть изъ предыдущаго, выраженіе „подсчетъ“ здѣсь не совсѣмъ умѣстно: *подсчитать* этихъ запасовъ нѣтъ возможности, потому что для этого потребовалось бы, предварительно, принципіально рѣшить вопросъ о томъ, какіе виды земель должны и какіе не должны пойти на дополнительные надѣлы, а затѣмъ произвести сложную работу на мѣстахъ, чтобы конкретно выяснить тѣ площади, которыя, въ соотвѣтствіи съ принятыми общими принципами, могутъ и какія не могутъ быть использованы для дополнительнаго надѣленія. Въ настоящее время возможно не подсчитать, а только составить себѣ приблизительное представленіе о томъ, насколько велики тѣ

земельные запасы, которые могутъ играть роль въ дѣлѣ расширенія крестьянскаго землевладѣнія.

Еще разъ напомню читателю, прежде всего, о земельныхъ запасахъ Азіатской Россіи, могущихъ быть использованными путемъ переселенія. Какъ велики эти запасы — этого нельзя учесть даже приблизительно, и всякаго рода вычисленія, которыя дѣлались или могутъ быть сдѣланы въ этомъ направленіи, не могутъ привести ни къ чему, кромѣ иллюзій и недоразумѣній. Во всякомъ случаѣ однако, какъ достаточно доказано опытомъ протекшихъ десятилѣтій, разсчитывать на такое массовое переселеніе, какое одно только могло бы привести къ разрѣженію населенія въ Европейской Россіи, нѣтъ никакой возможности въ виду преобладающаго характера тѣхъ земель, какими государство могло бы располагать для этой цѣли. Затѣмъ, въ Европейской Россіи — менѣе 6 милліоновъ удобныхъ десятинъ земельныхъ угодій казны и удѣла, сосредоточенныхъ почти исключительно въ черноземной полосѣ, изъ нихъ почти половина въ двухъ губерніяхъ крайняго юго-востока, Самарской и Астраханской, — и не поддающееся учету количество лѣсныхъ земель, которыя можно будетъ выдѣлить изъ казенныхъ и удѣльныхъ лѣсныхъ дачъ. Тѣ избытки казенныхъ лѣсовъ, которые можно будетъ для этого использовать, сосредоточиваются, какъ я уже говорилъ, исключительно въ нечерноземныхъ и главнымъ образомъ въ сѣверныхъ губерніяхъ; вмѣстѣ съ излишками частновладѣльческихъ лѣсовъ, они — можно думать — будутъ совершенно достаточны для удовлетворенія, даже по болѣе или менѣе широкому разсчету, всѣхъ мѣстныхъ земельныхъ нуждъ. Но такъ же, какъ лѣса Сибири, лѣса сѣвера Европейской Россіи не могутъ сыграть никакой роли въ дѣлѣ дополнительнаго надѣленія крестьянъ черноземной полосы, т. е. тѣхъ областей, гдѣ земельный вопросъ стоитъ наиболѣе остро; лѣсные же запасы черноземной полосы настолько малы, что о расширеніи, на ихъ счетъ, крестьянскаго землевладѣнія не можетъ быть и рѣчи; ихъ надо не расточать, а беречь, какъ зѣницу ока. Наконецъ, земельныя угодья частныхъ владѣльцевъ всѣхъ разрядовъ и наименованій... Ихъ общая площадь по пятидесяти губерніямъ Европейской Россіи — 103 милліона удобныхъ десятинъ. Но отсюда надо исключить, прежде всего, мелкія владѣнія, носящія, въ болѣе или менѣе полной мѣрѣ, трудовой характеръ и потому, даже при наиболѣе ради

кальныхъ рѣшеніяхъ вопроса о частной земельной собственности, исключаемыя изъ принудительнаго отчужденія*). Какова общая площадь такихъ мелкихъ владѣній — этого въ точности нѣтъ возможности сказать. По приблизительному подсчету М. И. Туганъ-Барановскаго, ихъ до 20 милліоновъ десятинъ, и эта цифра кажется мнѣ правдоподобною, потому что чрезъ посредство одного только крестьянскаго банка крестьянами пріобрѣтено до 9 милліоновъ десятинъ, а по даннымъ за 1900 годъ общая площадь земель, принадлежащихъ крестьянамъ, исчислялась въ цифрѣ 19 милліоновъ десятинъ; конечно, крестьянскія земли — это далеко не все *мелкія* владѣнія; но во всякомъ случаѣ къ этому разряду отнесется весьма значительная часть земель, принадлежащихъ крестьянамъ; если же извѣстная часть крестьянскихъ земель и окажется подлежащею отчужденію, то вѣдь, съ другой стороны, въ разрядъ *не* отчуждаемыхъ войдутъ мелкія владѣнія лицъ, не принадлежащихъ къ крестьянскому сословію, ихъ же число ты, Господи, вѣси... — и потому цифра 20 милліоновъ десятинъ мелкихъ владѣній, какъ я уже сказалъ, представляется мнѣ весьма правдоподобною... Изъ остальныхъ 80 слишкомъ милліоновъ десятинъ владѣльческихъ земель, опять-таки по приблизительному подсчету, 35—40 милл. дес. лѣсовъ и около 40—45 десятинъ земельныхъ угодій. Къ владѣльческимъ лѣсамъ всецѣло относится все, что я сказалъ о лѣсахъ казны и удѣла: они могутъ дать извѣстный фондъ для дополнительнаго надѣленія, но только въ нечерноземныхъ губерніяхъ, т.-е. какъ разъ тамъ, гдѣ дополнительное надѣленіе и безъ того можетъ быть широко проведено за счетъ лѣсовъ казенныхъ и удѣльныхъ. Какую часть *земельныхъ* угодій частныхъ владѣльцевъ окажется возможнымъ использовать для дополнительнаго надѣленія, — это, конечно, зависитъ отъ того, какъ разрѣшится вопросъ о „полной ликвидаціи“ частнаго землевладѣнія, превышающаго трудовой минимумъ. Я лично убѣжденъ, что *полная* ликвидація теперь же или вообще въ ближайшемъ будущемъ была бы нежелательна и вредна; мало того, я совершенно увѣренъ, что *на это* не

*) Я лично — долженъ замѣтить — не видѣлъ бы никакихъ препятствій къ тому, чтобы отчуждать и такія владѣнія, если они не эксплуатируются владѣльцами, а лежатъ впустѣ или постоянно сдаются въ аренду окрестному трудовому населенію.

пойдетъ никакое, даже *самое настоящее* народное представительство. *Сколько* владѣльческихъ земель останется невыкупленнымъ при разрѣшеніи вопроса по защищаемымъ мною принципамъ — это я затрудняюсь сказать даже приблизительно; упомяну только о томъ, что прекрасный знатокъ земельнаго вопроса, С. Н. Прокоповичъ, ставящій принудительное отчужденіе нѣсколько шире чѣмъ я, все-же принимаетъ площадь частныхъ владѣній крупнаго и средняго размѣра, *не* подлежащихъ отчужденію, въ 10 милліоновъ десятинъ. Но—допустимъ, что мы съ г. Прокоповичемъ, что вообще сторонники болѣе осторожнаго отношенія къ вопросу о ликвидаціи частнаго землевладѣнія, неправы; что наше мнѣніе будетъ отвергнуто народною волей, и что совершится *полная* ликвидація всего частнаго землевладѣнія, превышающаго трудовой размѣръ — все-таки площадь владѣльческихъ угодій, подлежащихъ отчужденію, не превыситъ 40—45 десятинъ.

Не такъ давно*) я попробовалъ сдѣлать приблизительный подсчетъ того количества земли, которое потребовалось бы, чтобы довести крестьянское землевладѣніе, по разсчету на наличное населеніе, до наиболѣе часто предлагаемыхъ, въ послѣднее время, сравнительно очень скромныхъ нормъ — именно, до высшихъ или указныхъ надѣловъ по мѣстнымъ положеніямъ 19 февраля 1861 года. Получилась — иначе и нельзя было ожидать, принимая во вниманіе огромный приростъ населенія — громадная цифра: для 44 только губерній 73 милліона десятинъ, въ томъ числѣ 42 милліона по черноземной и 31 милліонъ по нечерноземной полосѣ. Столь же приблизительный подсчетъ (къ сожалѣнію, болѣе точнаго сдѣлать нѣтъ возможности, при данномъ состояніи нашей поземельной статистики!) показываетъ, что даже при отчужденіи *всѣхъ* частновладѣльческихъ угодій въ имѣніяхъ, превышающихъ трудовой размѣръ, все-таки остался бы непокрытымъ дефицитъ, приблизительно, въ 25—30 милліоновъ десятинъ. Только въ пяти губерніяхъ —Таврической, Херсонской, Симбирской, Самарской и С.-Петербургской—количество казенныхъ, удѣльныхъ и владѣльческихъ земель оказалось бы достаточнымъ для того, чтобы, не трогая лѣсовъ, довести надѣлы крестьянъ до нормъ 1861 года.

---

*) См. журн. „Право“, № 1, и брошюра „Къ вопросу о дополнительномъ надѣленіи“.

На первый взглядъ картина совершенно измѣняется, если принять въ расчетъ лѣса. Въ общихъ итогахъ для всей Европейской Россіи они настолько обширны, что не только позволяютъ довести земельные надѣлы до нормъ 1861 года, но даютъ еще огромный избытокъ, примѣрно, въ 25—30 милліоновъ десятинъ. Но совершенно другое получится, если обратиться къ погубернскимъ даннымъ. Только въ сѣверномъ полѣсьѣ съ Костромскою губерніею, въ приозерныхъ губерніяхъ, кромѣ Псковской, и въ одной изъ сѣверо-западныхъ — Минской, за счетъ избытка лѣсовъ можно довести крестьянскіе надѣлы до нормъ 1861 года. Затѣмъ, даже въ литовско-бѣлорусскомъ полѣсьѣ, кромѣ Минской губерніи, дефицитъ крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія не можетъ быть покрытъ не только частновладѣльческими землями, но и лѣсами. Нечего уже и говорить о черноземной полосѣ, т.-е. какъ разъ о той, большей по населенности половинѣ Европейской Россіи, гдѣ земельный вопросъ стоитъ всего острѣе. Только въ Волынской губерніи на юго-западѣ и въ Казанской на востокѣ есть нѣкоторый избытокъ лѣсовъ, по всей вѣроятности достаточный, чтобы довести крестьянскіе надѣлы до нормъ 1861 года. Затѣмъ, во всемъ центральномъ черноземномъ районѣ, въ малороссійскихъ и юго-западныхъ губерніяхъ, а также въ подмосковномъ, промышленномъ районѣ, дефицитъ не можетъ быть покрытъ мѣстными земельными запасами. Для этого могли бы быть использованы только избытки лѣсной площади въ сѣверныхъ губерніяхъ,— но насколько можно судить на основаніи опыта всей исторіи нашей колонизаціи, можно съ увѣренностью сказать, что избыточное населеніе южныхъ и среднихъ губерній не пойдетъ въ лѣса сѣвера и сѣвера-востока, какъ не пойдетъ въ необъятные лѣса Сибири,— что слѣдовательно недостатокъ земли въ черноземной полосѣ не можетъ быть покрытъ никакими способами.

Я уже нѣсколько разъ подчеркивалъ *крайнюю* приблизительность приведенныхъ вычисленій — къ болѣе опредѣленнымъ и точнымъ результатамъ можетъ привести лишь детальное мѣстное изслѣдованіе, которое выяснитъ въ каждой мѣстности какъ размѣры земельной нужды, примѣнительно къ тѣмъ или другимъ — какіе будутъ установлены — общимъ принципамъ, такъ и въ особенности — тѣ земельные запасы, которые могутъ быть использованы для расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Но какъ бы они ни были приблизительны, какія бы поправки ни при-

шлось сдѣлать, впослѣдствіи, на основаніи болѣе точныхъ данныхъ, сущность дѣла отъ этого измѣниться не можетъ: въ нечерноземной полосѣ—говоря огульно—дополнительное надѣленіе вполнѣ мыслимо до нормъ мѣстныхъ положеній 1861 года, а можетъ быть и до болѣе высокихъ; въ черноземной, кромѣ нѣкоторыхъ южныхъ и призолжскихъ губерній, оно безусловно немыслимо, даже при самой полной ликвидаціи частнаго землевладѣнія. Наибольшее, о чемъ, мнѣ кажется, можно мечтать для черноземной полосы,—это, какъ предлагаетъ, между прочимъ, М. И. Туганъ-Барановскій въ своей книжкѣ о „земельной реформѣ“—довести земельное обезпеченіе каждаго трудового земледѣльца до средняго фактическаго размѣра крестьянскаго землевладѣнія въ уѣздѣ, до того средняго размѣра, въ соотвѣтствіи съ которымъ—употребляя выраженіе Пѣшехонова—установляется нормальная для каждой данной мѣстности степень интенсификаціи крестьянскаго хозяйства. Но допустимъ даже, что мои расчеты совершенно невѣрны, и что въ дѣйствительности и въ черноземной полосѣ окажется возможнымъ надѣлить крестьянъ до нормъ мѣстныхъ положеній 1861 года,—такъ вѣдь и это безконечно далеко отъ надѣленія землею, какъ мечтаютъ даже и наиболѣе обильно надѣленныя группы нашего крестьянства, всего прироста населенія—„прибылыхъ душъ“ или малолѣтковъ; а тѣмъ болѣе—отъ увеличенія размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія „вдвое или втрое“ какъ храбро обѣщаютъ представители „молодого народничества“, въ родѣ г. Новоторжскаго, или отъ увеличенія размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія до теоретически высчитанныхъ нормъ, все равно, трудовыхъ или потребительныхъ—до какихъ бы то ни было нормъ, разсчитанныхъ на современные пріемы обработки земли и на современную ея производительность. Какіе отсюда практическіе выводы—мы увидимъ въ концѣ этой книжки, теперь же необходимо остановиться на нѣкоторыхъ вопросахъ, которыхъ я до сихъ поръ не касался совершенно и которые относятся частью до способовъ осуществленія земельной реформы, частью до принципіальной ея постановки.

X.

Совершенно ясно изъ изложеннаго выше, что на практикѣ вопросъ о дополнительномъ надѣленіи не можетъ быть разрѣшенъ

на основаніи какихъ бы то ни было среднихъ цифръ или теоретическихъ вычисленій. На практикѣ придется считаться: при выясненіи земельнаго фонда, могущаго итти на дополнительное надѣленіе — съ характеромъ и способомъ эксплуатаціи земельныхъ угодій, съ родомъ и значеніемъ отдѣльныхъ площадей лѣса, и т. п.; при выясненіи размѣровъ потребности въ землѣ — съ размѣрами и качествомъ земельныхъ надѣловъ, съ принятыми у крестьянъ способами хозяйства, съ наличностью или отсутствіемъ особо доходныхъ культуръ или выгодныхъ постоянныхъ заработковъ, съ совершенною оторванностью извѣстныхъ группъ крестьянъ отъ земледѣлія и т. п. Существенныя осложненія будутъ возникать изъ столкновеній между притязаніями, основанными на фактическихъ отношеніяхъ населенія къ земельному фонду извѣстной мѣстности, и интересами и правами, вытекающими, просто, изъ недостаточности земельнаго обезпеченія. Вѣдь значительное большинство земель казны и удѣла и очень большая часть частновладѣльческихъ состоитъ въ арендѣ у сосѣднихъ крестьянъ. Эти арендаторы — далеко не всегда малоземельные; въ частности арендаторы казенныхъ земель, въ видѣ правила, принадлежатъ къ лучше обезпеченнымъ землею группамъ населенія; и какъ бы категорически законъ ни отдалъ преимущество малоземельнымъ,—эти арендаторы во всякомъ случаѣ будутъ требовать *себѣ* тѣ земли, которыя они привыкли арендовать, и въ этихъ требованіяхъ придется очень серьезно разбираться, потому что слишкомъ рѣзкое нарушеніе фактически сложившихся отношеній къ землѣ тоже можетъ привести, нерѣдко, къ нежелательнымъ хозяйственнымъ потрясеніямъ.

Такимъ образомъ, крайне простой, на первый взглядъ, вопросъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія на практикѣ оказывается чрезвычайно сложнымъ. Въ каждой данной мѣстности и въ каждомъ данномъ случаѣ придется рѣшать, что именно можно и чего нельзя использовать для дополнительнаго надѣленія, кому и сколько предоставить въ дополнительный надѣлъ. Кто же и какъ будетъ разрѣшать эти чрезвычайно сложные вопросы? Совершенно ясно, что правильно разрѣшить ихъ ни въ какомъ случаѣ — если даже идти на раздѣлъ между крестьянами *всѣхъ* владѣльческихъ земель — ни въ какомъ случаѣ, говорю я, нельзя „революціоннымъ путемъ“,— путемъ простого захвата владѣльческихъ земель сосѣдними крестьянами или взятія ихъ „во временное завѣдываніе крестьянскихъ общинъ“. Я уже

не буду говорить о томъ, что захватъ, какими бы онъ ни обосновывался хорошими теоріями, слишкомъ мало отличается отъ простого грабежа, и что разъ вступивъ на этотъ путь, слишкомъ трудно остановиться. Не буду говорить и о томъ, что вступившій на путь „фактическаго“ осуществленія своего права не долженъ удивляться, если другіе такими же „фактическими“ способами (казаки, пулеметы, тюрьмы и т. п.) отстаиваютъ *свое* право. Но главное — это то, что примѣненіе такъ называемаго „явочнаго порядка“ не облегчитъ, а до послѣдней степени затруднитъ планомѣрное разрѣшеніе вопроса о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія. Вѣдь что получится, если будетъ пускаться въ ходъ „фактическій“ порядокъ его разрѣшенія? Получится торжество случая, торжество грубой силы, которое, въ большинствѣ случаевъ, пойдетъ въ разрѣзъ съ элементарными требованіями справедливости. Добро бы, если бы у каждой крестьянской общины земля была подъ руками, и было подъ руками именно столько земли, сколько не хватаетъ до полнаго земельнаго обезпеченія. Тогда еще туда-сюда: разобрали, что кому слѣдуетъ, и конецъ. Но вѣдь въ дѣйствительности дѣло обстоитъ не такъ: у однѣхъ общинъ земля подъ руками есть, у другихъ нѣтъ; сплошь и рядомъ есть подъ руками у многоземельныхъ и нѣтъ у малоземельныхъ; къ владѣльческому имѣнію или казенной оброчной статьѣ, или къ группѣ имѣній и статей, могутъ прилегать крупныя и сильныя, хорошо обезпеченныя землею общины, и рядомъ или вперемѣшку съ ними — мелкія и вообще слабыя общины съ малыми надѣлами. Примѣненіе „захватнаго права“ будетъ выгодно для тѣхъ, у кого владѣльческія или казенныя земли подъ руками, у кого притомъ хватитъ силы и предпріимчивости, чтобы осуществить захватъ этихъ земель, — и сдѣлаетъ совершенно невозможнымъ устройство тѣхъ, можетъ-быть, несравненно болѣе нуждающихся въ землѣ, у кого земли не оказалось подъ рукою, или кто отодвинутъ въ сторону своими болѣе сильными и предпріимчивыми сосѣдями. Вѣдь уже прошлымъ лѣтомъ изъ мѣстностей, охваченныхъ аграрными безпорядками, доносились извѣстія о случаяхъ, когда земля захватывалась сильными, хотя и хорошо обезпеченными землею обществами, а слабыя, какъ разъ наиболѣе малоземельныя, оставались ни при чемъ.

Между тѣмъ, *дѣйствительное* рѣшеніе земельнаго вопроса

непремѣнно должно быть планомѣрнымъ: нужно выяснить, что можно взять и кому нужно дать, — и тотъ, кому нужно дать, можетъ-быть, живетъ за сотни верстъ отъ той земли, которую можно для него взять. Очевидно, что такая планомѣрность можетъ быть достигнута лишь при разрѣшеніи земельнаго вопроса организованною государственною или всенародною властью, которая одна только сможетъ взвѣсить и справедливо оцѣнить всѣ замѣшанные въ этомъ вопросѣ, нерѣдко взаимно исключающіе другъ друга, интересы; планомѣрность можетъ быть достигнута лишь тогда, когда рѣшеніе земельнаго вопроса возьметъ на себя уполномоченный выразитель народной воли — правильно организованное народное представительство, потому что *только оно* въ состояніи будетъ стать выше притязаній отдѣльныхъ группъ населенія, только оно сможетъ заставить — не насиліемъ заставить, а нравственнымъ своимъ авторитетомъ, — каждую изъ этихъ группъ пойти на вызываемыя требованіями справедливости и цѣлесообразности уступки. Земельный вопросъ долженъ разрѣшаться не по произволу тѣхъ или другихъ заинтересованныхъ лицъ или группъ, а на основаніи установленныхъ закономъ общихъ нормъ, которыя не только давали бы извѣстныя *права*, но и налагали бы извѣстныя *обязанности*, которыя установляли бы предѣлъ, дальше котораго не могутъ итти ничьи требованія и притязанія. При исполненіи закона, конечно, придется считаться съ конкретными условіями каждой данной мѣстности и каждаго отдѣльнаго случая, а потому земельная реформа должна приводиться въ дѣйствіе при самомъ близкомъ участіи мѣстныхъ силъ, и въ особенности — заинтересованнаго трудового крестьянства. Но *всецѣло* передать дѣло въ руки этихъ мѣстныхъ силъ, въ лицѣ ли всесословнаго земства, какъ предлагаютъ одни, или крестьянскихъ комитетовъ, какъ требуютъ другіе, было бы совершенно неправильно. Это годилось бы, если бы вся задача сводилась къ тому, чтобы взять *всѣ* земли уѣзда, самое большое губерніи, и равномѣрно распредѣлить ихъ между однимъ только *мѣстнымъ* трудовымъ крестьянствомъ, — хотя и тутъ, конечно, была бы опасность несправедливостей и обидъ для болѣе слабыхъ элементовъ населенія со стороны болѣе сильныхъ и вліятельныхъ. Но разъ только въ дополнительный надѣлъ не должны войти лѣса, пески и т. п.; тѣмъ болѣе — разъ отъ принудительнаго отчужденія должна быть освобождена часть

земельныхъ угодій, принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ, то рѣшеніе вопроса о томъ, что̀ можно и чего нельзя обратить на расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, уже нельзя предоставить самимъ заинтересованнымъ лицамъ или ихъ представителямъ. Крестьяне не оцѣнятъ тѣхъ соображеній, которыя требуютъ сбереженія извѣстныхъ площадей лѣса, а тѣмъ болѣе — и имъ, и владѣльцамъ, будетъ трудно прійти къ объективно-вѣрному рѣшенію вопроса о томъ, какія владѣльческія земли должны, а какія не должны подвергнуться принудительному отчужденію; не легче имъ будетъ договориться и въ вопросѣ объ оцѣнкѣ отчуждаемыхъ земель. Тѣмъ болѣе нельзя предоставить все дѣло въ безраздѣльное распоряженіе мѣстныхъ земствъ или крестьянскихъ комитетовъ, разъ при распредѣленіи внѣнадѣльнаго земельнаго фонда придется разбираться въ неизбѣжныхъ столкновеніяхъ между интересами малоземельнаго, иноуѣзднаго или тѣмъ болѣе иногубернскаго населенія, и притязаніями мѣстныхъ крестьянъ, хотя бы и широко надѣленныхъ землею. Можно, теоретически, быть какого угодно мнѣнія по вопросу о націонализаціи и соціализаціи земли, по вопросу о всероссійской земельной общинѣ и т. п.; но практика нашей колонизаціи даетъ полную увѣренность въ томъ, что земства или крестьянскіе комитеты самыхъ многоземельныхъ уѣздовъ Самарской или Вологодской губерніи не найдутъ ни одной пяди земли ни для кого, кромѣ мѣстныхъ крестьянъ: у кого довольно пашни (а у кого ея довольно?), тому потребуется земля подъ выпасъ, у кого довольно пастбищъ — тѣмъ дадутъ на приростъ населенія; не даромъ мѣстныя земства уже возбуждали ходатайства о закрытіи казенныхъ земель этихъ уѣздовъ для иногубернскихъ переселенцевъ... Можно быть увѣреннымъ въ томъ, что сибирское областное земство, а тѣмъ болѣе земства въ киргизскомъ краѣ, какъ только они будутъ образованы и получатъ власть распоряжаться мѣстными земельными запасами, первымъ дѣломъ закроютъ эти запасы для иномѣстныхъ крестьянъ; въ лучшемъ случаѣ они оставятъ для переселенцевъ дикую тайгу или безводныя и безплодныя пустыни, — да и то едва ли, потому что вѣдь и въ дикой тайгѣ крестьянинъ-сибирякъ или инородецъ охотится или собираетъ кедровые орѣхи, а безплодныя пустыни нѣсколько недѣль въ году, въ дождливое время, служатъ выпасомъ для киргизскихъ табуновъ. Чтобы правильно и планомѣрно рѣшить земельный вопросъ, необходимо признать, что

земельный фондъ дополнительнаго надѣленія, изъ чего бы онъ ни составился, есть фондъ общегосударственный и общенародный; что самарецъ, только потому, что онъ самарецъ, не долженъ имѣть никакихъ преимуществъ передъ полтавцемъ; что тоболякъ или киргизъ не долженъ имѣть преимуществъ предъ полтавцемъ и самарцемъ, только потому, что онъ принадлежитъ къ киргизскому племени или родился въ Тобольской губерніи. Мѣстное населеніе должно быть не хозяиномъ и не полновластнымъ распорядителемъ государственнаго земельнаго фонда, а только стороною, опредѣленнымъ образомъ заинтересованною въ распредѣленіи этого фонда; этой сторонѣ противостоитъ другая сторона — малоземельное населеніе другихъ мѣстностей, не могущее быть устроеннымъ за счетъ мѣстнаго земельнаго фонда и нуждающееся, поэтому, въ избыточныхъ земляхъ другихъ губерній и уѣздовъ. Столкновенія интересовъ мѣстнаго и иномѣстнаго населенія могутъ быть разрѣшены лишь безпристрастною, выше стоящею инстанціею, для которой и мѣстные, и иномѣстные были бы одинаково дороги и близки. Право распоряженія земельнымъ фондомъ должно, поэтому, принадлежать государственной власти, которая не только должна установить закономъ правила дополнительнаго надѣленія, но и приводить эти правила въ исполненіе, чрезъ свои мѣстные органы. Такими органами могутъ и должны явиться коллегіи изъ мѣстныхъ людей — только тогда распредѣленіе земель послѣдуетъ въ соотвѣтствіи со всею совокупностью конкретныхъ мѣстныхъ условій; но въ коллегіяхъ этихъ непремѣнно должны участвовать лица, уполномоченныя центральною властью, и какъ этимъ лицамъ, такъ и заинтересованнымъ сторонамъ должно быть предоставлено право, въ случаѣ надобности, апеллировать къ районнымъ или центральнымъ учрежденіямъ, стоящимъ выше мѣстныхъ притязаній и интересовъ.

XI.

Я подошелъ такимъ образомъ къ вопросу о „націонализаціи“ или „соціализаціи“ земли. Я до сихъ поръ совершенно не касался этого вопроса, ибо стремился исходить изъ практическихъ потребностей трудового крестьянства и отъ практической возможности ихъ удовлетворенія. Лично я — да проститъ мнѣ чи-

татель это маленькое автобіографическое отступленіе — воспитывался на трудахъ представителей нашего лѣваго народничества и вступалъ въ сознательную жизнь съ убѣжденіемъ въ необходимости обобществленія земли, какъ „коренного наслѣдія человѣческаго рода“, и съ горячею вѣрою въ возможность такого обобществленія. И сейчасъ я безусловно вѣрю въ то, что земля, рано или поздно, будетъ націонализирована или соціализирована; что она будетъ, притомъ, соціализирована въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. въ смыслѣ обобществленія не только земли, но и самого сельскохозяйственнаго производства. Но съ болью въ сердцѣ я долженъ сказать, что теперь, послѣ почти 20-лѣтнихъ наблюденій надъ крестьянскою жизнью въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ, я не могу вѣрить въ *скорое* осуществленіе этого идеала. Какъ ни настаиваетъ мой другъ М. И. Туганъ-Барановскій, этотъ, во всемъ другомъ, трезвѣйшій реалистъ, на какомъ-то особенномъ, соціалистическомъ настроеніи нашего крестьянина, какъ ни утверждаетъ онъ, что нашъ крестьянинъ органически враждебенъ принципу частной собственности на землю, я все-таки убѣжденъ, что „обѣтованная земля соціализма“ — употребляя выраженіе Родбертуса — еще гораздо дальше отъ насъ въ деревнѣ, чѣмъ на фабрикѣ, и что наше крестьянство стоитъ къ ней отнюдь не ближе, чѣмъ крестьянство западно-европейскихъ странъ. Нечего уже и говорить о соціализированной эксплуатаціи земли — о скоромъ осуществленіи ея не рѣшаются мечтать даже наши „молодые народники“; даже они только съ ростомъ культурности населенія, „съ развитіемъ общественной солидарности“, надѣются на „постепенное распространеніе товарищескаго землепользованія, другими словами, перехода къ общественному производству и распредѣленію сельскохозяйственныхъ продуктовъ“, задачей же ближайшаго времени считаютъ лишь „созданіе законодательства, благопріятнаго для развитія товарищескаго пользованія государственною землей“ (Новоторжскій). Но и въ качествѣ простого землераспредѣлительнаго механизма всенародная или областная община — неосуществимая утопія. Даже въ своей, деревенской общинѣ крестьянъ (я, конечно, имѣю въ виду общее правило, а не исключенія, потому что въ видѣ исключеній въ деревенской жизни встрѣчаются, какъ и вездѣ, факты удивительнаго альтруизма!) остается чистѣйшимъ индивидуалистомъ, ничуть не менѣе, чѣмъ французскій крестьянинъ, какъ его описываетъ Эмиль Зола,

и используетъ общинныя формы исключительно постольку, поскольку это соотвѣтствуетъ его индивидуальнымъ интересамъ. Нечего уже говорить объ отношеніяхъ крестьянина къ чужимъ, неоднодеревенцамъ. Вездѣ, даже тамъ, гдѣ безпредѣльный земельный просторъ создаетъ — казалось бы — самыя благопріятныя условія для проявленія общиннаго альтруизма, — вездѣ, говорю я, крестьянская община проявляетъ самый крайній, самый грубый эгоизмъ по отношенію ко всему ей чуждому; крестьянинъ-старожилъ, въ Сибири, всѣми способами тѣснитъ попавшаго въ среду его общества новосела, — но и новоселъ, забравши силу, сживаетъ со свѣта оказавшагося въ меньшинствѣ старожила; старый и уже обжившійся переселенецъ всячески тѣснитъ и эксплуатируетъ вновь прибывшаго; приписанный, опираясь на свое формальное право на землю, тѣснитъ и эксплуатируетъ неприписаннаго; русскіе крестьяне въ Туркестанѣ и въ киргизской степи спекулируютъ на потравахъ, причиняемыхъ или будто бы причиняемыхъ киргизскими табунами, не хуже любого помѣщика, владѣльца „клиньевъ“ и „мышеловокъ“, а на дальнемъ востокѣ они отлично чувствуютъ себя въ роли рантьеровъ-землевладѣльцевъ, выжимающихъ соки изъ испольщиковъ и арендаторовъ, корейцевъ и китайцевъ. Во имя общинныхъ принциповъ и своего права на землю — этотъ „Божій даръ“, каждый готовъ *взять* все, что только можно взять, но никто — опять-таки я говорю не объ исключеніяхъ, а объ общемъ правилѣ — не согласится *отдать* другому, нуждающемуся, того, что онъ какъ-нибудь можетъ использовать самъ. Говоря такъ, я на тысячу верстъ далекъ отъ мысли осуждать или охуждать крестьянина: никто не можетъ и не смѣетъ требовать отъ крестьянина самоотверженнаго альтруизма, когда намъ не приходитъ въ голову требовать его отъ самихъ себя, когда весь нашъ общественный строй основанъ на неприкрытомъ эгоизмѣ. Я только констатирую фактъ, — и при такомъ глубоко индивидуалистическомъ настроеніи нашего крестьянства я рѣшительно не вѣрю въ осуществимость всенародной или областной общины, даже какъ простого распредѣлительнаго механизма, — не вѣрю, прежде всего, въ то, чтобы какая-либо національзація или соціализація земли могла привести къ водворенію соціальнаго мира въ нашей деревнѣ. „Наемный трудъ, — говоритъ г. Новоторжскій, этотъ столпъ молодого народничества, — въ общинѣ не долженъ допускаться“. Я бы хотѣлъ видѣть способы, помощью которыхъ

г. Новоторжскій и его единомышленники „не допустятъ“ въ деревнѣ наемнаго труда!... Никакое уравненіе земли не устранитъ различія между богатымъ и бѣднымъ, между сильнымъ и слабымъ; процессы закабаленія будутъ попрежнему развиваться внутри нашей деревни съ такою же силою и въ такихъ же неприглядныхъ формахъ, какъ они развиваются въ отношеніяхъ между крестьяниномъ и сосѣдомъ-землевладѣльцемъ, между крестьяниномъ и кулакомъ-торговцемъ, который вѣдь весьма часто — такой же крестьянинъ, даже односельчанинъ того, изъ кого онъ высасываетъ соки.

Я, само собою разумѣется, не имѣю ничего противъ провозглашенія принципа націонализаціи земли — я только самымъ рѣшительнымъ образомъ высказываюсь противъ соціализаціи, въ смыслѣ признанія земель собственностью какихъ бы то ни было *областныхъ союзовъ;* я уже говорилъ, что это значило бы закрѣпить за самарцемъ, киргизомъ или сибирякомъ громадные или даже необъятные земельные запасы и отрѣзать путь къ серьезному расширенію землевладѣнія полтавца или курянина, — а я не вижу никакихъ основаній къ тому, чтобы самарецъ, только потому, что онъ самарецъ, или киргизъ, только потому, что онъ киргизъ, имѣлъ какія-то преимущественныя права на „общее народное достояніе“. Я — повторяю — не имѣю ничего противъ націонализаціи въ томъ смыслѣ, чтобы и нынѣшнія государственныя земли, и тѣ, которыя будутъ отчуждены, были зачислены въ государственный земельный фондъ и отводились крестьянамъ и другимъ землевладѣльцамъ на началахъ пользованія, за соотвѣтствующую дифференціальной рентѣ плату. Провозглашеніе этого начала полезно и желательно, не только съ чисто принципіальной точки зрѣнія и въ виду предстоящей, когда-нибудь, дѣйствительной націонализаціи, но отчасти и по практическимъ соображеніямъ, потому что при отводѣ земли на правѣ пользованія легче создать справедливое и цѣлесообразное аграрное право, легче отдѣлить право на пользованіе землею отъ права на минеральныя богатства, залегающія въ ея нѣдрахъ, и т. п. Но я считаю совершенно неосуществимыми планы націонализаціи или соціализаціи земли (изъ нихъ едва ли не лучше всего продуманъ и разработанъ планъ М. И. Туганъ-Барановскаго), предполагающіе періодическое уравнительное перераспредѣленіе земли между отдѣльными крестьянскими общинами. Какъ бы мы ни назвали верховное право государства

на землю, какъ бы мы ни повторяли, что отдѣльныя общины или дворы (при подворномъ владѣніи) — только пользователи государственной земли, — во всякомъ случаѣ *фактически* дѣло сведется къ простому дополнительному надѣленію. Такое дополнительное надѣленіе будетъ *однократнымъ*, а не періодическимъ, безъ всякихъ послѣдующихъ перераспредѣленій; *новый* дополнительный надѣлъ, если когда-нибудь и будетъ, то только насчетъ какого-нибудь *новаго* земельнаго фонда, который государство, можетъ-быть, еще изыщетъ для дополнительнаго надѣленія малоземельныхъ группъ населенія. Но крестьянскія общины, разъ получившія землю, подъ какимъ бы то ни было названіемъ, никогда и никому ея не отдадутъ, хотя бы другіе крестьяне въ десять разъ больше нуждались въ землѣ. Вѣдь и теперь на ряду съ крайне малоземельными есть весьма изобильно надѣленные землей, — почему же всѣ проекты земельной реформы не идутъ дальше экспропріаціи владѣльческихъ, да и то — только крупно-владѣльческихъ земель, отнюдь не предполагая уравненія между малоземельными и многоземельными общинами? почему всѣ такіе проекты оставляютъ неприкосновенными мелкія владѣнія? вѣдь и 50-десятинный участокъ, который почти во всѣхъ проектахъ признается неотчуждаемымъ, вдесятеро больше средняго размѣра крестьянскаго землевладѣнія въ средней Россіи, и слѣдовательно съ точки зрѣнія принциповъ справедливости, и такой участокъ слѣдовало бы пустить въ раздѣлъ... Мало того: почему такъ трудно использовать для дополнительнаго надѣленія малоземельныхъ крестьянъ тѣ земли, которыя состоятъ въ арендѣ у другихъ крестьянъ, хотя бы самыхъ многоземельныхъ, или которыя используются другими крестьянами на началахъ свободнаго захвата? Да именно потому, что крестьянинъ крайне цѣпко держится за землю, разъ онъ какими бы то ни было способами и на какихъ бы то ни было формальныхъ основаніяхъ успѣлъ заполучить ее въ свои руки. Такъ же точно и въ будущемъ: крестьянскія общины, получившія землю изъ государственнаго земельнаго фонда, конечно, никогда и никому не согласятся ее отдать — кто пользуется землею, тому она всегда на что-нибудь нужна! — и для осуществленія на практикѣ принциповъ всенародной или даже областной общины съ періодическими уравнительными передѣлами земли понадобился бы, каждый разъ, не меньшій соціальный переворотъ, чѣмъ потребуется нынѣ для проведенія въ жизнь

принциповъ принудительнаго отчужденія владѣльческихъ земель. И даже гораздо большій: теперь приходится бороться съ сопротивленіемъ немногочисленнаго, хотя и вліятельнаго владѣльческаго класса, — тогда пришлось бы преодолѣвать сопротивленіе милліоновъ: крестьянства всѣхъ тѣхъ общинъ, для которыхъ осуществленіе принципа всенароднаго равненія повело бы къ сокращенію площади землевладѣнія.

XII.

Мы видѣли, что при самомъ широкомъ и радикальномъ разрѣшеніи вопроса о дополнительномъ надѣленіи едва ли мыслимо, — я не обинуясь скажу, что для всей черноземной полосы немыслимо — довести надѣлы безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ и другихъ земледѣльцевъ даже до такихъ сравнительно скромныхъ нормъ, какъ нормы высшихъ или указныхъ надѣловъ по положеніямъ 1861 года. Но даже если бы это и оказалось осуществимымъ — отсюда все-таки еще безконечно далеко до надѣленія всего прироста населенія, а тѣмъ болѣе до увеличенія крестьянскихъ надѣловъ „вдвое“ или „втрое“, до отвода надѣловъ по какимъ-либо теоретически вычисленнымъ нормамъ, все равно, трудовымъ или потребительнымъ, разъ онѣ только разсчитаны на современные пріемы эксплуатаціи земли и на современную ея производительность. Ясно отсюда, что дополнительное надѣленіе, какъ бы широко, въ практически мыслимыхъ размѣрахъ, оно ни осуществилось, не можетъ само по себѣ явиться радикальнымъ, кореннымъ разрѣшеніемъ нашего аграрнаго вопроса. Въ малоземельѣ ли корень этого вопроса, или въ низкомъ уровнѣ культуры и въ малой производительности крестьянскихъ земель — это вопросъ, о которомъ можно спорить. Но при данномъ положеніи дѣлъ *нельзя* спорить противъ того, что послѣдствія малоземелья не могутъ быть устранены *однимъ* дополнительнымъ надѣленіемъ. Дополнительное надѣленіе, въ возможно широкихъ размѣрахъ, безусловно необходимо, — оно является самою насущною, неотложною задачей. Но его роль — только роль палліатива; оно можетъ имѣть огромное психологическое значеніе; оно создастъ для нашего крестьянства возможность передышки, дастъ и крестьянину, и обществу время позаботиться о другихъ, болѣе

радикальныхъ мѣрахъ. Но само по себѣ оно, повторяю, будетъ не болѣе, чѣмъ палліативомъ; оно сыграетъ роль жаропонижающаго или болеутоляющаго средства, въ родѣ тѣхъ, какими врачи борются съ острыми *симптомами* болѣзни. Врачъ не можетъ обойтись безъ такихъ средствъ,— иначе больной не перетерпитъ невыносимой боли или сгоритъ отъ внутренняго жара. Такъ же точно и мы, ищущіе средствъ бороться съ аграрнымъ кризисомъ, *не можемъ* обойтись безъ дополнительнаго надѣленія — этого соціальнаго болеутоляющаго и жаропонижающаго средства. Но если врачъ успокоится на такомъ лѣченіи — его больной погибнетъ, ибо временно утоленная боль и временно пониженный жаръ не замедлятъ возвратиться и будутъ продолжать дѣлать свое губительное дѣло. Такъ же точно и мы не должны увлекаться соціальнымъ палліативомъ, не должны ни на одну минуту забывать о необходимости самой серьезной, самой неотложной борьбы съ кореннными причинами нашего аграрнаго кризиса, — иначе приростъ населенія въ немного лѣтъ уничтожитъ всѣ слѣды дополнительнаго надѣленія, и даже для самаго ближайшаго момента оно не внесетъ серьезныхъ измѣненій въ отчаянное положеніе нашего крестьянства. Вѣдь упадокъ крестьянскаго хозяйства — результатъ всей совокупности условій, въ которыхъ складывалось и эволюціонировало современное крестьянское хозяйство. Слѣдовательно, и для подъема его требуется наступленіе по всей линіи: правильная податная и финансовая система, широкое развитіе народнаго образованія, школьнаго и внѣшкольнаго, освобожденіе личности крестьянина и просторъ для его личной и общественной самодѣятельности; но на ряду съ этимъ требуется улучшеніе способовъ и пріемовъ крестьянскаго хозяйства и повышеніе производительности крестьянскихъ земель. Вѣдь въ чемъ, въ концѣ концовъ, причина и низкихъ среднихъ урожаевъ, и частыхъ полныхъ неурожаевъ, и хроническаго недоѣданія, и періодическаго голоданія нашего крестьянина, и даже физическаго вырожденія? причина, въ которой, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваются послѣдствія и крестьянской темноты, и того гнета, который тяготѣетъ надъ личностью крестьянина и надъ его хозяйствомъ? Въ томъ, что существующіе хозяйственные порядки — залежное хозяйство нашего юга и юго-востока, выродившееся въ пестрополье, трехполье нашего центра и сѣвернаго полѣсья,— уже давно не соотвѣтствуютъ условіямъ густоты населенія или —

что то же самое — размѣрамъ эксплуатируемаго крестьянами надѣльнаго и внѣнадѣльнаго земельнаго фонда. Чтобы залежное хозяйство вновь сдѣлалось раціональнымъ, чтобы оно могло давать крестьянину не 30 и не 23 пуда съ десятины,— для этого надо было бы возстановить ту степень земельнаго простора, какая существуетъ сейчасъ развѣ только въ наиболѣе рѣдко населенныхъ мѣстностяхъ земледѣльческой Сибири и степного края — иначе сказать, увеличить крестьянскіе надѣлы гдѣ втрое или вчетверо, гдѣ въ 5 — 6 и болѣе разъ. Чтобы вновь создать условія раціональности трехполья, нужно было бы возстановить правильное соотношеніе между пахотною и кормовою площадью, а это, опять-таки, неосуществимо ни при какомъ, практически мыслимомъ, расширеніи крестьянскаго земледѣлія. А разъ это такъ, то *дѣйствительнаго* выхода изъ современнаго нашего аграрнаго кризиса можно искать *только* и *единственно* въ подъемѣ крестьянскаго хозяйства, въ переходѣ къ такимъ пріемамъ эксплуатаціи земли, которые были бы способны обезпечить населенію достаточную урожайность и достаточный доходъ, при существующей въ настоящее время густотѣ населенія.

Попробуемъ, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ конкретно, какъ отразится предстоящая земельная реформа на условіяхъ землевладѣнія различно обезпеченныхъ землею группъ нашего крестьянства. Разъ земли на всѣхъ не можетъ хватить вволю, значитъ, въ первую голову получатъ дополнительный надѣлъ дарственники, вообще всѣ тѣ, кого можно назвать абсолютно-малоземельными. На *ихъ* положеніи земельная реформа, несомнѣнно, отразится весьма существенно — но что же дастъ она и имъ? немногимъ болѣе, чѣмъ имѣютъ теперь среднеземельные крестьяне. Среднеземельнымъ достанется уже очень мало, такъ что ихъ надѣлы возрастутъ не втрое и не вчетверо, а на какую-нибудь незначительную дробь; многоземельные не получатъ ничего, не потому, конечно, чтобы они не нуждались въ дополнительномъ надѣлѣ (при теперешнемъ крестьянскомъ хозяйствѣ *нѣтъ* крестьянъ, не нуждающихся въ землѣ!), а потому, что для нихъ земли не хватитъ. А между тѣмъ, вѣдь бѣдствуетъ, болѣе или менѣе, *все* наше крестьянство, — а если не все, то во всякомъ случаѣ не одно малоземельное: вѣдь голодаетъ, вырождается физически, странствуетъ по заработкамъ и въ концѣ концовъ бѣжитъ, куда глаза глядятъ, не только

дарственникъ съ его чуть не сплошь застроеннымъ „нищенскимъ“ надѣломъ, но и тотъ среднеземельный крестьянинъ, надѣлъ котораго является для дарственника предѣломъ мечтаній, и которому при дополнительномъ надѣленіи достанутся развѣ только какіе-нибудь пустяки, и тотъ многоземельный, которому вовсе не приходится мечтать объ увеличеніи земельнаго надѣла. Признаки аграрно-хозяйственнаго кризиса наблюдаются и въ малоземельныхъ губерніяхъ центра, и мѣстами въ еще болѣе острыхъ формахъ — среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ многоземельныхъ окраинъ Европейской Россіи, и среди переселенцевъ на „новыхъ мѣстахъ“ и старожилаго населенія Сибири. Слѣдовательно, вопросъ объ улучшеніи крестьянской культуры и о повышеніи производительности земли стоитъ остро для *всего* нашего крестьянства, независимо отъ размѣровъ его земельнаго обезпеченія, и энергичная работа въ этомъ направленіи необходима *теперь же*, *неотложно*, потому что иначе никакое — повторяю еще разъ, — *никакое* практически-мыслимое расширеніе крестьянскаго землевладѣнія не избавитъ крестьянина отъ хроническаго недоѣданія и періодическихъ голодовокъ.

Необходимость „агрикультурнаго прогресса“, „усовершенствованной техники земледѣлія“, „повышенія производительности надѣльныхъ земель“ — это, какъ будто бы, труизмы или общія мѣста, и распространяться объ этомъ, да еще такъ упорно и съ такимъ жаромъ, какъ дѣлаю это я, какъ будто бы значитъ ломиться въ открытую дверь. Отрицать эту необходимость не рѣшается, кажется, никто, даже самые прямолинейные сторонники расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Да — *отрицать* ее, дѣйствительно, никто не станетъ! но, къ сожалѣнію, этою стороною вопроса никто какъ слѣдуетъ и не интересуется, — для всѣхъ онъ стоитъ гдѣ-то на второмъ или на десятомъ мѣстѣ; каждый отмахивается отъ него, какъ отъ назойливой мухи или отъ скучнаго просителя. Одни сосредоточиваютъ весь свой интересъ на вопросѣ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія; „самой главной заботой — признаетъ, напримѣръ, извѣстный дѣятель въ области общественной агрономіи, В. В. Винеръ, — для улучшенія коренного крестьянскаго хозяйства явится увеличеніе доходности, т.-е. урожайности крестьянской земли“; явится — но когда?... *послѣ нарѣзки земли*, — и это „послѣ“ почтенный авторъ считаетъ нужнымъ подчеркнуть курсивомъ. Другіе обращаютъ всѣ свои удары на

многострадальную общину, — пока, дескать, община не уничтожена, не можетъ быть рѣчи о повышеніи сельскохозяйственной культуры — а когда она уничтожится, все остальное придетъ само собой. Вниманіе третьихъ цѣликомъ сосредоточивается на всеобшемъ обученіи и внѣшкольномъ образованіи, на поднятіи личной и общественной самодѣятельности крестьянъ, вообще на измѣненіи такъ называемыхъ „общихъ условій“ жизни деревни; вопросы агрикультурной техники — думаютъ они — разрѣшатся сами собой, когда, и только когда крестьяне достигнутъ необходимаго для этого общаго развитія и когда освобожденіе личности крестьянина разовьетъ въ немъ необходимую инціативу и предпріимчивость. „Не можетъ быть и рѣчи, — писалъ недавно В. Г. Бажаевъ,— о массовомъ прогрессѣ сельскохозяйственной техники, пока земли слишкомъ мало даже для удовлетворенія самыхъ элементарныхъ потребностей, пока земля можетъ служить орудіемъ эксплуатаціи, пока самъ народъ забитъ, теменъ и задавленъ непосильными платежами“...

Вопреки всѣмъ, я буду и не устану утверждать: нѣтъ, *не послѣ, а сейчасъ;* нѣтъ, *нельзя* откладывать, а надо *теперь же* крестьянину учиться, а интеллигенціи — учить крестьянина „великому искусству добывать два колоса тамъ, гдѣ прежде росъ одинъ“ (А. И. Чупровъ), — искусству, „безъ котораго страна неизбѣжно придетъ къ позорному банкротству“, а крестьянинъ будетъ голодать, несмотря ни на какіе дополнительные надѣлы и ни на какія четырехчленныя формулы...

Но тутъ выступаетъ на сцену цѣлый рядъ возраженій. „Агрикультурный прогрессъ въ русскомъ сельскомъ хозяйствѣ,— гласитъ выработанный бюро состоявшагося въ апрѣлѣ 1905 года совѣщанія по аграрному вопросу проектъ резолюціи,—встрѣчаетъ непобѣдимое препятствіе прежде всего въ крестьянскомъ малоземельи, устраненіе котораго и должно быть ближайшею задачей поземельной политики“... Или, какъ выражаетъ ту же мысль М. И. Туганъ Барановскій: „безземельнымъ и малоземельнымъ надо прежде всего получить землю, а потомъ уже думать объ улучшеніи пріемовъ ея обработки“. Читатель видѣлъ — я не только не возражаю, но наоборотъ подчеркиваю, что расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, при сложившихся обстоятельствахъ, „должно быть ближайшею задачей поземельной политики“, — что „безземельнымъ и малоземельнымъ надо прежде всего получить землю“. Я признавалъ бы поэтому всю силу приведен-

ныхъ возраженій, если бы вопросъ ставился такъ: улучшеніе хозяйства — *или* расширеніе землевладѣнія безземельныхъ и малоземельныхъ. Но я ставлю его совсѣмъ не такъ: я говорю: расширеніе землевладѣнія — *и* повышеніе производительности крестьянскихъ земель. И — повторяю — я всѣми силами своей души протестую, и — пока у меня хватитъ голоса — буду протестовать противъ всякаго *послѣ*, противъ всякаго *потомъ*...

Безземелье и *малоземелье*, дѣйствительно, мѣшаетъ повышенію сельскохозяйственной культуры. Совершенно вѣрно. Но у кого? У *многоземельныхъ*? Очевидно, нѣтъ — только у безземельныхъ и малоземельныхъ. Безземельный, очевидно, не можетъ думать о повышеніи производительности земли, разъ ея у него нѣтъ. Столь же очевидно не можетъ думать о соотвѣтственномъ повышеніи производительности земли дарственникъ съ его нищенскимъ надѣломъ — это настолько ясно, что объ этомъ не стоитъ распространяться. Ну — а бывшіе владѣльческіе крестьяне на полномъ надѣлѣ? развѣ на такой площади земли, какъ 4—5 десятинъ (приблизительный средній размѣръ земельнаго обезпеченія такихъ крестьянъ въ среднерусскихъ губерніяхъ) тоже „безусловно нельзя“ вести никакого правильнаго хозяйства? Я думаю, что этого нельзя сказать. Но допустимъ, что *и это* еще острое малоземелье. Ну, а бывшіе государственные крестьяне? развѣ *и имъ* малоземелье мѣшаетъ повышать производительность надѣльныхъ земель? едва ли, — вѣдь *ихъ*-то ужъ никто и никогда не признавалъ малоземельными. А переселенцы, съ ихъ 15 десятинами на наличную душу?... Помилуйте! — воскликнетъ читатель, — да какой же имъ смыслъ интенсировать свое хозяйство, разъ земельный просторъ позволяетъ имъ вести первобытное залежное хозяйство, при такихъ условіяхъ единственно-раціональное!... Раціональность, увы, болѣе нежели сомнительная — она выражается въ хроническихъ голодовкахъ на необъятномъ просторѣ киргизскихъ степей и въ такихъ уродливыхъ явленіяхъ, какъ китайская и корейская аренда въ Уссурійскомъ краѣ, какъ столь широко распространенное бродячее переселеніе. Но вѣрно то, что экстенсивное хозяйство при такомъ просторѣ вполнѣ естественно, а интенсификація — мало вѣроятна. Но въ такомъ случаѣ получается такое положеніе: на одномъ концѣ лѣстницы улучшеніе крестьянскаго хозяйства встрѣчаетъ „непобѣдимое пре-

пятствіе“ въ *малоземельи*; на другомъ — оно встрѣчаетъ столь же непобѣдимое препятствіе въ *многоземельи*. Но вѣдь должна же быть такая середина, гдѣ нѣтъ ни того, ни другого, въ равной степени непобѣдимаго, препятствія? гдѣ *уже* нѣтъ многоземелья и *еще* нѣтъ гнетущаго малоземелья? Неужели и здѣсь улучшеніе крестьянскаго хозяйства должно наступить когда-то послѣ? и послѣ чего?...

„Расширить площадь крестьянскаго землевладѣнія,—говоритъ М. И. Туганъ-Барановскій, — нужно уже потому, что повышеніе производительности народнаго труда есть длинный и сложный процессъ, требующій для своего осуществленія многихъ лѣтъ и даже десятилѣтій, а крестьянская нужда не ждетъ и требуетъ помощи немедленно“. Это — неотразимый доводъ въ пользу расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Но прежде всего — „немедленно“ помочь крестьянскому горю нельзя и этимъ путемъ; вспомните только о подготовительныхъ работахъ, безъ которыхъ невозможно планомѣрное проведеніе земельной реформы; вспомните, что для достиженія такой планомѣрности требуется переселеніе и разселеніе милліоновъ людей, и вы увидите, что и расширеніе крестьянскаго землевладѣнія есть „длинный и сложный процессъ, требующій для своего осуществленія многихъ лѣтъ“ и, можетъ-быть, тоже десятилѣтій. Но главное — это доводъ за неотложность земельной реформы (такъ понималъ его, очевидно, и г. Туганъ-Барановскій!), но не доводъ въ пользу отсрочки мѣръ къ повышенію производительности народнаго труда: если, въ частности, улучшеніе техники крестьянскаго хозяйства требуетъ, дѣйствительно, многихъ лѣтъ и даже десятилѣтій, то тѣмъ необходимѣе теперь же приступить къ серьезной и широко поставленной работѣ въ данномъ направленіи: чѣмъ скорѣе начнется эта работа, тѣмъ раньше она дастъ необходимые плоды. А затѣмъ — дѣйствительно ли это такъ? дѣйствительно ли повышеніе производительности крестьянскаго хозяйства требуетъ, непремѣнно, десятилѣтій? У насъ, правда, улучшенія техники крестьянскаго хозяйства прививались, пока, очень медленно — но просто потому, что вниманіе и самихъ крестьянъ, и правительства, и интеллигенціи было направлено въ совсѣмъ другія стороны — въ какія угодно стороны, но только не въ эту. Но даже у насъ — я сейчасъ долженъ буду къ этому вернуться — наблюдаются примѣры весьма быстраго распространенія тѣхъ или другихъ сельскохозяйственныхъ улучшеній. Существо же

дѣла едва ли требуетъ, непремѣнно, десятилѣтій. Прежде, дѣйствительно, повышеніе производительности земли основывалось на дорого стоящихъ улучшеніяхъ, которыя давали плоды лишь по истеченіи болѣе или менѣе длиннаго срока. „Эти разсчеты— говоритъ А. И. Чупровъ — существенно измѣнились, когда на первый планъ въ ряду мѣръ, поднимающихъ доходъ земледѣльца, выдвинулись минеральныя удобренія и улучшенныя сѣмена"; земледѣльческія улучшенія этого рода „дѣйствуютъ быстро, почти немедленно; подъ ихъ вліяніемъ жатва повышается въ тотъ же годъ, возвращая издержки съ обильною, а иногда даже громадною прибылью",—для примѣненія ихъ „не требуется ни продолжительной подготовки почвы, ни крупныхъ затратъ основного капитала",—и въ концѣ концовъ „практика минеральныхъ удобреній, улучшенныхъ сѣмянъ и травопольнаго хозяйства окрылила дѣло земледѣльческаго прогресса среди мелкихъ хозяевъ"; въ концѣ концовъ, „разъ въ умы сельскаго населенія проникаетъ сознаніе цѣлесообразности тѣхъ или другихъ улучшеній, они осуществляются съ поразительною быстротой, — съ такой быстротой, которыя не имѣетъ ничего общаго съ темпомъ перемѣнъ въ землевладѣніи"...

Разъ въ умы сельскаго населенія проникаетъ сознаніе цѣлесообразности улучшеній... Но, можетъ-быть, тутъ-то и зарыта собака — можетъ быть какъ разъ для этого-то проникновенія и требуются десятилѣтія?...

До извѣстной степени это, несомнѣнно, такъ, — и въ концѣ этой книжки я постараюсь объяснить, отчего это такъ. Теперь скажу только, что основную причину, задерживающую повышеніе техники крестьянскаго хозяйства, я вижу совсѣмъ не въ томъ, въ чемъ ее принято видѣть. Для повышенія техники крестьянскаго хозяйства, говорятъ обыкновенно, требуется извѣстный уровень общаго образованія и развитія, требуется просторъ для личной и общественной самодѣятельности земледѣльца; нашъ крестьянинъ теменъ, задавленъ нуждой, вѣковая опека отучила его отъ всякой самодѣятельности, — и только тогда, когда поднимется умственный уровень крестьянскихъ массъ, когда изгладятся слѣды вѣкового гнета, — только тогда можно надѣяться на повышеніе техники сельскаго хозяйства и на увеличеніе производительности крестьянскихъ земель, — только тогда крестьянинъ выучится „благородному искусству выращивать два зерна тамъ, гдѣ прежде росло одно".

Читатель! да вѣдь пока взойдетъ это солнце — глаза роса выѣстъ... Пока будетъ вводиться всеобщее обученіе (въ три дня вѣдь его тоже не введешь!), пока оно подниметь умственный уровень крестьянскихъ массъ, пока изгладятся слѣды вѣкового гнета — а для этого вѣдь тоже требуются десятилѣтія, чтобъ они изгладились! — что же будетъ *до тѣхъ поръ*? неужели до тѣхъ поръ сложа руки глядѣть, какъ нашъ черноземъ даетъ 40 и 30 пудовъ съ десятины, какъ сидящій на этомъ черноземѣ крестьянинъ пухнетъ отъ голода и вырождается отъ недоѣданія?!...

И еще другое: вѣдь всѣ мы требуемъ для крестьянина всей полноты гражданскихъ и политическихъ правъ, включая избирательное право по четырехчленной формулѣ и вообще участіе въ дѣлахъ государственнаго и мѣстнаго управленія; мы не ограничиваемъ избирательнаго права даже требованіемъ элементарной грамотности. Такъ неужели же крестьянинъ, котораго мы, значитъ, *признаемъ* способнымъ разбираться въ самыхъ сложныхъ вопросахъ, далеко выходящихъ изъ обычнаго крестьянскаго кругозора,— неужели этотъ крестьянинъ неспособенъ уразумѣть такія простыя вещи, какъ преимущества хорошихъ сѣмянъ передъ плохими, какъ выгоды, доставляемыя травосѣяніемъ, какъ эффектъ минеральнаго удобренія или глубокой вспашки?... Это — и неправдоподобно, и противорѣчитъ фактамъ. Мы знаемъ прежде всего, что отнюдь не выше стоящія въ умственномъ развитіи и, конечно, не больше видѣвшія свободы туземныя племена многихъ изъ нашихъ окраинъ — сарты и даже осѣвшіе киргизы въ Туркестанѣ, китайцы и корейцы въ Уссурійскомъ краѣ, туземныя племена Закавказья и т. п. — довели свою сельскохозяйственную технику до такого уровня, который для нашего крестьянина является, пока, недосягаемымъ идеаломъ; мало того — сартовское или китайское хозяйство проявляетъ удивительную подвижность и приспособляемость къ измѣнчивымъ требованіямъ рынка, т.-е. какъ разъ тѣ качества, какія принято связывать съ высокою умственною культурой. А затѣмъ, вѣдь и самъ нашъ крестьянинъ отнюдь не такъ ужъ безусловно невоспріимчивъ къ хозяйственнымъ улучшеніямъ, какъ думаютъ... его искреннѣйшіе, но слишкомъ горячіе друзья. „Мудрено доказывать, — говоритъ все тотъ же А. И. Чупровъ, — недоступность усовершенствованной техники для крестьянъ-общинниковъ (и, конечно, и для необщинниковъ. *А. К.*) послѣ того,

какъ въ послѣднія 10—15 лѣтъ тысячи крестьянскихъ общинъ въ разныхъ частяхъ Россіи съ успѣхомъ осуществили самый трудный шагъ на пути къ раціональному земледѣлію — перешли отъ трехполья къ многополью съ посѣвомъ травъ; дальнѣйшіе шаги уже гораздо легче"... Достаточно напомнить о такихъ фактахъ, какъ быстрое распространеніе, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, минеральныхъ удобреній, и въ очень многихъ — улучшенныхъ орудій и сельскохозяйственныхъ машинъ — нерѣдко безъ всякаго планомѣрнаго воздѣйствія со стороны общественной агрономіи; какъ быстрое усвоеніе русскими переселенцами въ Туркестанѣ техники (но, увы, не экономики!) сартовскаго поливного хозяйства; какъ феноменально-быстрое развитіе, въ западной Сибири, экспортнаго маслодѣлія, а въ связи съ этимъ и улучшеніе техники крестьянскаго скотоводства; я лично видѣлъ, какъ нѣкоторые улучшенные сорта сѣмянъ, попавъ въ сибирскую деревню изъ минусинскаго музея, въ 3—4 года распространились по двумъ громаднымъ сибирскимъ губерніямъ и почти совершенно вытѣснили старые мѣстные сорта. Достаточно вспомнить обо всемъ этомъ и о многомъ другомъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что наше крестьянское хозяйство и при данномъ культурномъ уровнѣ отнюдь не такъ недоступно культурному воздѣйствію..... Не подумайте, ради Бога, читатель (теперь вѣдь такъ легко попасть подъ такія подозрѣнія!), чтобы я хотѣлъ доказывать безполезность культуры и освобожденія личности — отнюдь нѣтъ: я только хочу сказать, что широко и планомѣрно поставленное агрономическое воздѣйствіе можетъ дать обильные плоды и ранѣе распространенія всеобщаго обученія, и ранѣе чѣмъ нежели народъ переродится въ оживляющей водѣ политической свободы.

Затѣмъ — вопросъ о средствахъ: на что же крестьянинъ будетъ улучшать свое хозяйство, разъ ему нечего ѣсть, разъ ему не на что удовлетворить своимъ самымъ насущнымъ потребностямъ? „Голодающій человѣкъ, — говоритъ М. И. Туганъ-Барановскій, — проситъ у васъ хлѣба, а вы говорите ему о могуществѣ знанія... вмѣсто куска хлѣба вы суете ему книгу. Но что бы ни было въ вашей книгѣ — она камень въ рукахъ голоднаго, и онъ будетъ правъ, если швырнетъ ее вамъ обратно въ лицо!.." Возраженіе очень серьезное — хотя не претворяется ли „въ камень въ рукахъ голоднаго" и та земля, которая не даетъ крестьянину ничего, кромѣ почти хроническихъ неуро-

жаевъ?... Но главное, и не въ средствахъ корень вопроса, и не въ отсутствіи средствъ, не въ крестьянской нищетѣ основная причина, задерживающая повышеніе техники крестьянскаго хозяйства. Вѣдь не всѣ же, въ концѣ концовъ, крестьяне поголовно нищіе! есть же между ними и такіе, которые имѣютъ пару десятковъ или сотенъ рублей свободныхъ денегъ, или могутъ какъ-нибудь эти деньги достать — вся бѣда въ томъ, что эти свободныя или откуда-нибудь добытыя деньги крестьяне употребятъ не на *улучшеніе* хозяйства и земли, а на *расширеніе* размѣровъ своего землепользованія и хозяйства, въ формѣ ли покупки земли или аренды. И отсюда — самый простой отвѣтъ на вопросъ о средствахъ. „Чѣмъ же, — спрашиваетъ себя А. И. Чупровъ, — крестьянскій дворъ будетъ покрывать дополнительныя затраты, неизбѣжно вызываемыя повышеніемъ интенсивности хозяйства? Отвѣтъ кажется намъ яснымъ: тѣмъ же, чѣмъ покрываются въ настоящее время въ малоземельныхъ хозяйствахъ расходы на прикупку недостающаго хлѣба или на арендованіе чужихъ земель“... А если у крестьянина средствъ дѣйствительно нѣтъ, и щедринское „ѣнъ достанетъ“ отказывается служить, то средства должны быть доставлены государствомъ или обществомъ, должны быть доставлены всѣми возможными путями, и прежде всего — широкою организаціею мелкаго народнаго кредита. Средства, говорю я, *должны* найтись, потому что въ улучшеніи крестьянскаго хозяйства — единственный дѣйствительный выходъ изъ аграрнаго кризиса; въ немъ — вся будущность нашего крестьянства и нашей страны. И организовать потребный для этой цѣли кредитъ будетъ, мнѣ думается, тѣмъ легче, что современная наука и сельскохозяйственная техника выработали цѣлый рядъ такихъ средствъ къ повышенію производительности земли, которыя даютъ чрезвычайно быстрые и вѣрные результаты и, слѣдовательно, вполнѣ обезпечиваютъ скорое погашеніе ссудъ.

И еще послѣднее возраженіе. Говорятъ, интенсификація крестьянскаго хозяйства для крестьянъ, можетъ-быть, невыгодна; какъ ни безобразно, съ технической точки зрѣнія, существующее крестьянское хозяйство — все-таки оно является единственно раціональнымъ, потому что соотвѣтствуетъ всей совокупности условій, подъ вліяніемъ которыхъ оно слагалось и сложилось. Къ сожалѣнію, я не встрѣчалъ попытки какъ-либо обосновать это убѣжденіе въ исключительной ра-

ціональности современнаго крестьянскаго хозяйства; это — не болѣе нежели варіантъ извѣстнаго гегелевскаго изреченія: „что̀ дѣйствительно — то разумно“, которымъ такъ охотно пользовались прежде консервативные политики. Но можно ли огульно признавать всякое болѣе интенсивное хозяйство невыгоднымъ и нераціональнымъ, когда рядомъ съ якобы „раціональнымъ“ хозяйствомъ нашихъ крестьянъ процвѣтаетъ совершенно иначе организованное хозяйство: въ приозерныхъ губерніяхъ — арендаторовъ, эстонцевъ и латышей, въ Туркестанѣ — сартовъ, въ Уссурійскомъ краѣ — китайцевъ и корейцевъ, на Черноморьѣ — кавказскихъ горцевъ, грековъ, молдаванъ? А тѣмъ болѣе, можно ли говорить о выгодности или невыгодности улучшенныхъ способовъ веденія хозяйства, разъ существующее „раціональное“ или — очевидно предполагается — „выгодное“ крестьянское хозяйство даетъ, въ среднемъ, гдѣ 40, гдѣ 30, а гдѣ 23 пуда съ десятины и обезпечиваетъ крестьянамъ лишь хроническое недоѣданіе и нищету; разъ корень нашего аграрнаго вопроса именно въ томъ и заключается, что господствующіе у крестьянъ хозяйственные порядки давно уже пережили сами себя, давно уже стали *не*раціональными, что они представляютъ собою анахронизмъ, совершенно не соотвѣтствующій современнымъ условіямъ и въ особенности современной густотѣ населенія?...

Словомъ, съ какой бы стороны ни подходить къ вопросу о необходимости и возможности теперь же, не откладывая въ долгій ящикъ, приступить къ энергичной работѣ, направленной непосредственно къ интенсификаціи крестьянскаго хозяйства, къ повышенію производительности крестьянскихъ земель, — какія бы ни разсматривать возраженія, — результатъ получается одинъ: возраженія эти, доказывая *трудность* предстоящей задачи, отнюдь не доказываютъ, однако, ея *неразрѣшимости*. А трудности, какъ бы онѣ ни были велики, необходимо преодолѣть, потому что *всякая* земельная реформа останется безплодной, если не будетъ повышена производительность крестьянскихъ земель, а такія хорошія вещи, какъ грамотность, политическая и личная свобода и т. п., лишь постольку могутъ отразиться на хозяйственномъ положеніи крестьянина, поскольку онѣ будутъ способствовать улучшенію его хозяйства. А это приводитъ насъ еще къ одному, первостепенно-важному соображенію. Вѣдь какъ бы ни были увеличены земельные надѣлы, каково бы ни было вліяніе просвѣщенія и свободы, — все-таки крестьянинъ

самъ не отыщетъ тѣхъ путей, которыми должно итти улучшеніе техники крестьянскаго хозяйства. „Исторія перемѣнъ въ хозяйственной техникѣ ясно свидѣтельствуетъ, что стремленіе къ нимъ безъ помощи свѣдущихъ лицъ не можетъ даже и возникнуть среди мелкихъ земледѣльцевъ“... Такую помощь до извѣстной степени оказываютъ и будутъ оказывать крестьянамъ, нерѣдко даже помимо своей воли, частновладѣльческія хозяйства — эти опытно-показательныя учрежденія, дѣйствующія по частной иниціативѣ и работающія на частныя средства. Но главная роль въ этомъ дѣлѣ должна, разумѣется, принадлежать общественной агрономіи. А готова ли у насъ общественная агрономія исполнить эту глубоко-серьезную, лежащую на ней обязанность? Очевидно, нѣтъ... Государственной агрономіи у насъ, въ сущности, еще не существуетъ. Но не очень много сдѣлали пока и земства со своею агрономіей. „Изъ обширной программы агрономическаго содѣйствія народу,—говоритъ опять таки А. И. Чупровъ, глубокій знатокъ даннаго вопроса,—выполнено до сихъ поръ земскими организаціями немного. Въ черноземной полосѣ еще твердо не установлено, повидимому, какую систему полеводства слѣдуетъ рекомендовать крестьянамъ взамѣнъ отживающаго зернового трехполья, и дѣло находится пока въ подготовительной стадіи“. И не только въ черноземной полосѣ, но даже и въ тѣхъ изъ нечерноземныхъ губерній, гдѣ общественная агрономія достигла своего наибольшаго расцвѣта. Мы восторгаемся, и совершенно законно, необыкновенною быстротою распространенія травосѣянія въ московско-тверскомъ районѣ. Но изъ трудовъ того же В. Г. Бажаева, игравшаго такую видную роль въ дѣлѣ распространенія здѣсь травосѣянія, мы узнаемъ, что оно, пока, весьма мало способствовало общему улучшенію крестьянскаго хозяйства; и почему это?... потому, что „довѣрчивому сельскому люду рекомендовали травосѣяніе не въ современной постановкѣ, съ широкимъ примѣненіемъ минеральныхъ туковъ, а въ устарѣлой формѣ“, не принявъ необходимыхъ мѣръ „къ провѣркѣ на тщательныхъ мѣстныхъ опытахъ того, что давно выработано въ теоріи и въ практикѣ безчисленныхъ заграничныхъ хозяйствъ“ (А. И. Чупровъ). Нечего уже говорить о такихъ мѣстностяхъ, какъ заволжскій юго-востокъ, гдѣ общественная агрономія (въ данномъ случаѣ даже не земская, а казенная), въ лицѣ самоотверженнаго труженика В. С. Богдана, только начала отыскивать выходъ изъ господ-

ствующаго здѣсь безпорядочнаго нестрополья — того самаго, которое даетъ крестьянину, въ среднемъ, 23 пуда съ десятины; или какъ вологодское полѣсье, гдѣ трехполье уже стало пережиткомъ, продолжающимъ кое-какъ существовать лишь благодаря широко развитой арендѣ казенныхъ сѣнокосовъ (а эта аренда, въ свою очередь, до крайности затрудняетъ использованіе, для землеустроительныхъ цѣлей, обширнаго земельнаго фонда вологодскаго края); и здѣсь современныя земельно-хозяйственныя условія настоятельно требуютъ чего-то другого; но чего — это общественная агрономія даже еще не начинала намѣчать, — да и какъ ей было начать, когда Никольское земство какъ разъ въ послѣднее время упразднило даже несчастную должность уѣзднаго агронома!.. „Работа дѣятелей общественной агрономіи,— говоритъ В. Г. Бажаевъ въ недавней своей статьѣ, — была необходима потому, что она накопляла драгоцѣннѣйшій запасъ опытныхъ указаній и вообще подготовляла почву для будущей мирной дѣятельности при обновленныхъ общественныхъ условіяхъ. Подготовляла, но, читатель видитъ, еще очень мало подготовила. Общественная агрономія должна быть усилена во много разъ, она должна работать, не покладая рукъ, не увлекаясь никакими дѣйствительными или мнимыми „требованіями настоящаго момента“, — работать дальше въ томъ же направленіи. Она должна энергично и послѣдовательно готовиться съ тому, несомнѣнно, близкому моменту, когда отъ необходимости интенсификаціи крестьянскаго хозяйства уже нельзя будетъ отговариваться ни мечтами о дополнительномъ надѣлѣ и переселеніи, ни надеждами на благотворное вліяніе политической свободы; къ тому моменту, когда сами крестьяне сознаютъ, что все ихъ спасеніе — въ коренномъ улучшеніи пріемовъ земледѣльческой культуры, и обратятся со своими запросами къ общественной агрономіи. Неужели и тогда придется сказать, что „изъ обширной программы агрономическаго содѣйствія народу выполнено до сихъ поръ не много“? И не скажетъ ли тогда народъ, что напрасно его тѣшили безплодными надеждами и мечтами, а не дѣлали какъ разъ того, что было наиболѣе неотложнымъ и необходимымъ?...

И мнѣ остается, въ заключеніе, остановиться на томъ, дѣйствительно серьезномъ препятствіи, съ которымъ встрѣчалось до сихъ поръ всякое коренное улучшеніе крестьянскаго хозяйства. Это препятствіе — въ хозяйственной психологіи нашего

крестьянина, пережившей тѣ условія, которыя создали эту психологію. „Чтобы совершилась перемѣна въ интенсивности труда,— говоритъ А. И. Чупровъ въ своемъ до сихъ поръ классическомъ курсѣ политической экономіи,— долженъ пройти извѣстный, болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени; если нація въ теченіе долгаго времени находилась подъ вліяніемъ причинъ, не благопріятствовавшихъ энергичной работѣ — то вялость въ трудѣ сохраняется долго даже послѣ того, какъ устраняются условія, ее производившія". Наша родина только еще выходитъ изъ періода колонизаціи страны, и всѣ трудовыя привычки, вся хозяйственная психологія нашего земледѣльца цѣликомъ вынесены имъ изъ этого періода. Когда поля „выпахивались", засаривались — онъ бросалъ одно поле и распахивалъ другое; „выпахивались" цѣлины, становилось тѣсно въ цѣлой округѣ — онъ шелъ на новыя мѣста, на вольныя и крѣпкія земли. И это было совершенно раціонально, пока такихъ новыхъ мѣстъ и крѣпкихъ земель было вдоволь. Теперь совершенно другое: вольныя земли, какія еще есть, не очень-то заманчивы; „на старинѣ" искони усвоенное хозяйство не даетъ крестьянину ничего, кромѣ голода и нужды. Но хозяйственная психологія нашего крестьянина „сохраняется послѣ того, какъ устранились условія, ее производившія"; она гонитъ его попрежнему вширь, когда давно настала пора направить свои усилія вглубь. Отсюда и выходитъ, что крестьянинъ, если у него есть оборотныя средства, по многовѣковой привычкѣ обратитъ ихъ не на улучшеніе, а на расширеніе своего хозяйства — на покупку земли, на аренду, хотя бы на самыхъ тягостныхъ условіяхъ, въ крайнемъ случаѣ на переселеніе. Отсюда и выходитъ, что крестьянинъ не вѣритъ въ улучшенные пріемы и не желаетъ ихъ усвоивать, разъ они стоятъ въ противорѣчіи съ его трудовыми привычками и требуютъ интенсификаціи,— не вѣритъ и не желаетъ именно потому, что попрежнему еще ищетъ простора и еще вѣритъ въ возможность его найти. Въ приозерныхъ губерніяхъ у него передъ глазами примѣръ арендаторовъ-латышей и эстонцевъ, въ Туркестанѣ — примѣръ превосходно приспособленнаго къ мѣстнымъ условіямъ и приспособляющаго къ требованіямъ рынка хозяйства сартовъ, въ Уссурійскомъ краѣ — хозяйства корейцевъ и китайцевъ. Крестьянинъ — я уже говорилъ — отнюдь не проявляетъ какой-то неспособности понять смыслъ того или

другого улучшеннаго хозяйства и перенять улучшенные пріемы культуры — достаточно примѣра чрезвычайно быстраго усвоенія крестьянами техники туркестанской ирригаціи. И тѣмъ не менѣе онъ остается на русскомъ сѣверѣ при традиціонномъ трехпольѣ, въ Туркестанѣ и на дальнемъ востокѣ — при залежномъ зерновомъ хозяйствѣ, благодаря которому въ Уссурійскомъ краѣ и сейчасъ уже опустѣло не мало деревень, а туркестанскіе переселенцы бѣгутъ отъ „тѣсноты“, при впятеро и вшестеро большемъ земельномъ обезпеченіи, чѣмъ у туземнаго населенія. И отчего это? на этотъ вопросъ вамъ очень ясно отвѣтитъ всякій крестьянинъ: оттого, что ему „не подходящее дѣло“, „не съ руки“, копаться въ землѣ, какъ копаются сарты, латыши или корейцы; ему надо побольше распахать, да засѣять побольше пшеницы, хотя бы большая распашка и посѣвъ давали ему, въ концѣ концовъ, далеко меньше, чѣмъ даютъ маленькія поля китайца или сарта, раздѣланныя квадратиками въ видѣ шахматной доски...

И что это дѣйствительно такъ — что это стремленіе, во что бы то ни стало, расширять хозяйство, эта фактическая возможность (отнюдь не совпадающая съ хозяйственною цѣлесообразностью!) продолжать тянуться вширь, дѣйствительно является коренною причиною, задерживающею интенсификацію крестьянскаго хозяйства, — это воочію можно видѣть не только въ Уссурійскомъ краѣ или Туркестанѣ, но и на многоземельныхъ окраинахъ Европейской Россіи, хотя бы въ самарскихъ степяхъ или въ томъ же вологодскомъ полѣсьѣ. Мнѣ лично приходилось наблюдать, хотя и бѣгло, крестьянское хозяйство въ этихъ мѣстностяхъ и, частью, излагать въ печати результаты своихъ наблюденій (см. мою книжку „На новыхъ мѣстахъ“). Но, по любопытной случайности, какъ разъ въ то время, какъ я подготовлялъ къ печати настоящую книжку, мнѣ попались въ руки два свидѣтельства мѣстныхъ людей, очень близко соприкасавшихся, въ теченіе многихъ лѣтъ съ крестьянскимъ хозяйствомъ — агронома Г. И. Колесникова и переселенческаго чиновника Н. Н. Диго. И оба они, точно сговорившись между собою, пишутъ, въ сущности, одно и то же: чтобы насталъ конецъ уже давно пережившему себя хозяйству — въ районѣ г. Колесникова пестрополью, въ районѣ г. Диго трехполью, искусственно поддерживаемому широкою возможностью аренды свободныхъ казенныхъ земель — необходимо, какъ выражается г. Диго, „пустить

въ обращеніе“ весь арендный фондъ; или, какъ еще яснѣе выражаетъ ту же мысль г. Колесниковъ: и свободныя казенныя земли, и владѣльческія, арендуемыя мѣстными крестьянами, „должны сдѣлаться предметомъ заселенія изъ другихъ мѣстностей“, — потому что „при такихъ условіяхъ явился бы притокъ новаго населенія, который неизбѣжно вызвалъ бы интенсификацію и увеличилъ бы производительность хозяйства уѣзда“. Иначе сказать, когда не станетъ свободнаго арендnаго фонда, позволяющаго крестьянамъ, хотя бы и съ явною невыгодою для себя, попрежнему тянуться вширь, — только тогда настанетъ время для интенсификаціи, и только тогда дѣйствительно разрѣшится аграрный вопросъ.

Хорошо ли это, или худо, — но это такъ: теперь уже это время надвигается на насъ вплотную; разъ осуществится дополнительный надѣлъ, въ практически мыслимыхъ, ограниченныхъ размѣрахъ, — крестьянамъ уже „некуда будетъ податься“, и имъ поневолѣ придется обратиться къ интенсификаціи своего хозяйства; придется выучиться „благородному искусству получать два зерна тамъ, гдѣ прежде росло одно“, — неизбѣжно придется къ этому приспособить и свою хозяйственную психологію и переработать въ этомъ направленіи свои трудовыя привычки. Такая переработка — необходимое условіе радикальнаго разрѣшенія нашего аграрнаго кризиса, и обязанность нашей интеллигенціи — способствовать этой переработкѣ, а не поддакивать крестьянамъ въ ихъ несбыточныхъ мечтахъ о все новыхъ „новыхъ мѣстахъ“ съ молочными рѣками и кисельными берегами, не тѣшить ихъ не менѣе несбыточными надеждами на дополнительное надѣленіе на весь приростъ населенія, по неправдоподобнымъ трудовымъ и всякимъ инымъ нормамъ, не играть съ фантастическими сотнями милліоновъ десятинъ...